

Петр Немировский

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ КАРМЕН

Повесть

Глава 1

Как только Арсюша закончил первый класс и начались каникулы, семья переехала на лето в Seagate. Из вещей старались брать только самые необходимые, но все равно их получилось так много, что едва запихали в кузов арендованного вэна. Арсюша прижимал к груди плюшевого леопарда и буги-борд (доску для плавания), Тоня держала сумочку с документами, Осип сидел за рулем.

Остановились у пропускного пункта, где сидевший в кабинке седой контролер попросил документы. Осип показал водительские права, объяснил, зачем они сюда приехали. Полосатый шлагбаум поднялся, и машина двинулась в Seagate — своеобразную курортно-жилую зону, что находится в Бруклине, на самом берегу залива.

Этот небольшой участок, огороженный забором и охраняемый собственным отделением полиции, являет собой разительный контраст с внешним миром по ту сторону забора. Снаружи — грязь, покореженный асфальт, ни деревца, ни кустика. К ограде подступает микрорайон многоэтажек с субсидированным жильем для бедноты, а значит, там драки, ругань, дикие подростки, рэп, наркотики, повсюду валяются пустые бутылки из-под водки. Вдобавок духота и жар от асфальта, который летом нагревается до того, что, кажется, вот-вот начнет трескаться и пластами отходить от грунта.

А за забором, в Seagate, — кусочек рая: кроны платанов и туй отбрасывают тени на чистые дороги, ветер шелестит в кустах роз и сирени, в соцветиях орхидей. Неспешность, расслабленность во всем — в походке, в разговорах. Женщины — в шлепанцах, соломенных шляпах и купальниках, длинных легких юбках или с полотенцами вокруг бедер; мужчины — подтянутые, загоревшие, независимо от возраста напоминающие неутомимых белозубых самцов. Океанский бриз, рокот волн. Охрана.

Когда-то этот район принадлежал ортодоксальным евреям, служил им загородным местом отдыха, курортом на летний сезон, где после шумной, утомительной жизни в городе они могли спокойно молиться, гулять и проводить время на пляже так, как того требует ортодоксальный иудаизм, то есть в одежде. Не полагается посторонним глазеть на обнаженное тело еврея или еврейки, и тут неуместны никакие ссылки на Адама и Еву, чью наготу прикрывали только фиговые листочки. Еврей должен быть одет и на пляже. Такова воля Всевышнего! Так сказано в Талмуде!

Со временем курортную зону Seagate сделали пригодной для проживания круглый год. А хасидов несколько потеснили итальянцы и русские.

Демографические перемены сказались и на архитектуре Seagate: к безыскусным, часто запущенным домам ортодоксов присоседились новые роскошные виллы с колоннами из белого мрамора и помпезными фонтанами.

Seagate, куда на лето переехал Осип с семьей, располагался приблизительно в получасе езды на машине от дома в Бруклине, где они постоянно жили. Так что в случае необходимости всегда можно было заскочить и домой.

Распаковались и устроились на новом месте быстро. До сентября сняли квартиру в двухэтажном доме у одного ортодоксального еврея. Жилище это имело ряд достоинств:

до пляжа рукой подать, плюс большой зеленый задний дворик, где росли старые деревья, стоял стол под навесом и была скамейка, она же — качели. Почти как на даче.

...Осип, в шортах, полулежал в шезлонге, потягивая виски с томатным соком. Сорока двух лет. Худощавый, среднего роста; высокий лоб и мягкие волнистые волосы, зачесанные назад. Орлиный нос и узкий подбородок. Он производил впечатление человека смертельно уставшего, отрешенного от внешней суеты, но в то же время неким иным зрением не перестающего пытливо вглядываться в окружающий мир.

Маленькими глотками попивал огненное виски, он смотрел то на красногрудую птицу на проводах, то на Арсюшу, который только-только познакомился и теперь налаживал контакт со своим сверстником в ермолке и некогда белой, а ныне посеревшей рубашечке. Тоня тем временем заканчивала благоустройство нового гнезда.

Чем объяснить эффект пронзительной смены настроения? Вернее, не настроения, а настроения сердца, когда испытываешь страшную усталость, опустошенность, и тут — смена обстановки, и какая-нибудь случайная мелочь, скажем, запах скошенной травы или вид летящих косяком уток, переворачивает всю душу, вливая в тебя новые силы и надежды?.. Приблизительно такое ощущение испытывал сейчас Осип; некая магнетическая сила таилась для него в этой земле Seagate, чем-то родным здесь был напоен воздух. Горячий, дымящийся асфальт города, в трещинах и ямах, заплесанный и загаженный, отравляющий легкие, остался там, за забором...

Осип слегка захмелел от виски, от воспоминаний, от усталости после переезда и ночного дежурства в гостинице «Мандарин».

Несколько месяцев назад его фильм «Призраки Бруклин Хайтс» (Shadows of the Brooklyn Heights) демонстрировали на нью-йоркском Фестивале независимого кино! И это еще не все: картина была отмечена специальным призом жюри.

Сколько было потрачено сил, времени, денег! Поиски продюсера, почти год съемок, бессонные ночи монтажа, приступы злости, отчаяния, томительное ожидание после каждой поданной заявки на участие в фестивале...

Фильм был посвящен писателям, в разное время проживавшим в одном из красивейших и загадочных районов города — Бруклин Хайтс. Замысел был таков: показать, как пейзажи, архитектура старого города создавали особую атмосферу и почему именно это место в Нью-Йорке всегда привлекало писателей.

Фильм вряд ли получил бы такое признание, поскольку уж слишком сильно в нем просматривался «классический русский почерк, то есть избыток философичности и смысловая перегруженность». Выручила находка Осипа, включившего в картину молодого талантливый Ника Чеда в роли «типичного» американца и литературного гида (кстати, он был единственным, кто в их съемочной группе получал деньги). Именно Ник вдохнул в русскую картину американский дух. Дарование у Ника было особенным: он был равно хорошим комиком и трагическим актером, что позволяло ему легко менять амплуа и постоянно держать зрителя в напряжении. Одетый в стиле ретро — костюм-тройка, галстук и шляпа, — с бутылкой пива в руке и сигарой в зубах, исполненный обаяния Ник разгуливал по улицам Бруклин Хайтс, непринужденно рассказывал истории из жизни литераторов и вдохновенно читал отрывки из их сочинений. Неожиданно нырял в какой-нибудь храм или в бар и перевоплощался то в Уитмена, то в О’Нила — и призраки великих оживали...

В интервью, отвечая на вопрос, как это ему, иммигранту из России, удалось так чутко уловить поэтику чужой культуры в фактически чужом для него месте, Осип замысловато ответил, что с детства любил американскую литературу, а район Бруклин Хайтс ему напоминает некоторые улицы в Петербурге, где он ощущал присутствие давно ушедших писателей и даже иногда видел их призраки. «Эти города — Петербург

и Нью-Йорк, — несмотря на все внешние различия, по духу очень схожи. В них чувствуется какая-то неизбывная меланхолия, поэзия упадка. Обычному человеку в таком месте некомфортно. Но почему-то именно на такой вот заболоченной почве, в этом сыром, туманном воздухе рождается настоящее искусство. Не случайно же один из героев моего фильма, поэт Иосиф Бродский, — коренной петербуржец. Собрать и скомпоновать материалы для сценария мне помог Ричард Джонсон — профессор литературы Колумбийского университета, с которым я познакомился еще в Петербурге, когда он приезжал в Россию. Я ему безмерно благодарен за его помощь, как благодарен и всей съемочной труппе».

Конечно, нью-йоркский Фестиваль независимого кино — не Канн и не «Оскар». Но это серьезная заявка, сулящая новые творческие возможности и перспективы.

После недолгого звездного периода — с хвалебными рецензиями в прессе, позолоченной крохотной статуэткой и 10 тысячами долларов — следовало отдохнуть, восстановить силы, все осмыслить и решить, в каком направлении двигаться дальше.

Да, он был счастлив, как бывает счастлив художник, создавший произведение, которое оценили.

А тут еще ателье, где Тоня работала менеджером, из-за сокращения заказов на лето закрылось. Словом, все шло к тому, чтобы провести лето в Seagate. И для Арсюши лучшего отдыха не придумать.

Глава 2

Шестилетний Арсений спал тревожно, ворочался и часто просыпался. Вот снова проснулся и сел на кровати, недоуменно глядя перед собой.

Свет фонаря у дома проникал сквозь окошко в комнату, где повсюду валялись игрушки: пластиковые фигурки борцов, машинки, плюшевый леопард. Мама сразу была против леопарда, она леопарда не любит, говорит, что тот собирает пыль. На новом месте она предупредила, что на «пляж он с нами ходить не будет, он боится воды, и там ему делать нечего». Но Арсюша и не думал брать леопарда на пляж, Арсюша уже достаточно взрослый, понимает, что можно, а что нет. Завтра на пляж он возьмет только самое необходимое: ласты, маску, карточки «Покемон», летающего змея, акулу, мяч и... леопарда, если мама не заметит. Хорошо бы взять и лэптоп, но о таком реалист Арсюша даже не мечтает.

Он огляделся вокруг, увидел на полу кончик знакомого хвоста. Наклонился, потянул за хвост — и через миг леопард лежал с ним рядом на подушке.

Думал Арсюша о маме: она строгая, постоянно требует от него красиво писать буквы, правильно держать карандаш и заниматься математикой. Проверяет все его домашние задания. Еще мама любит слушать классическую музыку и листать журналы мод. За этими занятиями она всегда спокойна и задумчиво хороша. А иногда она берет в руки книжку в кожаном переплете с золотистым затертым крестом, подходит к иконе на стене, крестится и начинает вполголоса молиться. Порой отрывает глаза от книги и смотрит на икону, где изображен бородатый старик в пещере и черная умная ворона на камне. Мама осеняет себя крестным знаменем, что-то шепчет, будто выпрашивает чего-то у того старика. Иногда вытирает глаза, и тогда Арсюше становится ее жалко.

Папа не молится, крест не носит, нудных книг не читает. Папа вечно с фотоаппаратом или видеокамерой. То уходит надолго из дома, то в своей комнате — куда без разрешения входить нельзя даже маме. Но его фильм, о котором так много говорили родители и так шумно обсуждали дома разные гости, по правде говоря и к

большому огорчению Арсюши, — совершенно неинтересный, сплошное занудство: там только дома, парки, кладбища, разговоры. Ни тебе динозавров, ни спайдерменов.

Иногда они с мамой ходят в церковь, где Арсюше ужасно скучно. Единственное там развлечение — зажигание свечек, но длится это недолго. Арсюша ждет, когда заунывное пение закончится и можно будет причаститься с золотой ложечки, а потом запить теплым сладким вином с просфоркой. А после этого — в пиццерию или «Макдоналдс»!

Иногда папа пытается объяснить ему разницу между русскими, евреями и американцами. Разобраться в этой мешанине Израилей, Иисусов, морей и океанов Арсюше непросто. Значит, так: папа — еврей, любит Израиль и русскую культуру; мама — русская, любит вроде бы всех — и евреев, и русских, но, по ее словам, главное — чтобы человек в любой стране оставался христианином. Арсюша же — американец, но больше всего любит Ямайку, где они всей семьей отдыхали в прошлом году. Там он съезжал по водной горке, ловил ящериц и гонялся за попугаями, в общем, был очень занят. У причала там стоял настоящий пиратский корабль, который вечерами под шумную музыку отправлялся в море, но детей туда не пускали.

Папа нередко хмурый, чем-то недовольный. Зато когда он в хорошем настроении — придумывает интересные истории.

Арсюша закрыл глаза, представил, как завтра всей семьей пойдут на пляж, как он с разбега бросится в волны, будет плыть, отгоняя акул... Хорошо, что школа закончилась!

Он согнул ноги в коленках, прижав их к самому животу, уснул.

Ночные улицы Seagate. Тихо, только стрекочут цикады и доносится рокот океана. Яркая луна освещает безлюдные улицы. Осип подошел к забору из металлической сетки на столбиках, тянувшемуся вдоль берега. На ночь калитку на пляж закрывали. Однако в

нескольких местах сетка была оторвана от столбиков. Осип пролез в один из таких зазоров и, прыгнув с невысокого песчаного обрыва, пошел к воде.

«Ди-ин... Ди-ин...» — это старый маяк. Сам маяк сейчас в темноте не виден, лишь отсвет его красного фонарика качается на волнах да железное било, как в колокол, брякает внутри о ржавый кожух. «Ди-ин... Ди-ин...»

Пляж, где купаются днем, отсюда далековато, а здесь — заброшенный унылый берег: валяются обугленные замшелые бревна, темнеют груды бесформенных валунов, похожие на обломки шхун. На песок набегают маленькие длинные волны, вспениваются и исчезают их белые гребешки. А вдали — облитый огнями мост Верразано и небоскребы Манхэттена. Необычное смешение вечности и сиюминутности.

Осип сидит у самой воды на бревне. Прохлада освежает лицо. Он всматривается во тьму и словно видит деда Арона со старого фотоснимка. Лицо умного еврея, практиковавшего врача-кардиолога. «Ну что, режиссер, дождался? У тебя теперь начинается новая жизнь. Смотри только, не потеряй голову, не заболей звездной болезнью!» — наставительно изрекает дед. Подмигивает, достает из прорези жилетки карманные часы на цепочке: «У-у, время-то как бежит...».

— Осип, ты, что ли?

Вздвогнув от неожиданности, он обернулся.

— Что, тоже не спится? Беда с этим сном. Я вот и валерьянку пробовала, и ромашковый чай. Ничего не помогает. Говорят, лучшее средство для сна — ночная прогулка у океана с омовением ног и рук. Сейчас попробуем.

Его глаза уже привыкли к темноте, к лунному свету. Он видит, как Стелла входит в воду, подтянув до колен спортивные штаны. Еще шаг-другой, и ее контуры становятся расплывчатыми. Кажется, она наклонилась, опустила руки в воду.

— Ну вот, океанская ванна принята. Посмотрим на лечебный эффект, — она садится рядом с ним на бревне, вынимает из пачки сигарету.

Вспыхнувший огонек зажигалки ярко освещает ее ровный нос, губы, сжимающие сигарету, прищуренный левый глаз с густыми ресницами.

— А где жена? Спит?

— Да, у нее сон крепкий и без валерьянки.

— Хорошая у тебя жена, преданная, — и Стелла выпускает дым, от которого пахнет ментолом.

— А ты откуда знаешь, что преданная? Может, наоборот, гулящая? — шутит Осип.

Его несколько удивляет этот неожиданный поворот в разговоре — слова о Тоне и его семейной жизни, знакомы-то со Стеллой они лишь шапочно: пару раз на пляже перебросились незначительными фразами о погоде, температуре воды, ее «замедуженности» — о чем обычно говорят отдыхающие после купания.

На эту шатенку Осип обратил внимание в первый же день, с первой же минуты, как только увидел ее на пляже. Она входила в воду, эффектно виляя бедрами, и красный треугольник ее трусиков двигался плавно и заманчиво, пока не скрылся в набежавших волнах. Она заплыла так далеко за буйки, что парень-спасатель на вышке стал настойчиво дуть в свисток и энергично махать руками, мол, назад! назад! Стелла тогда послушно поменяла курс и поплыла вдоль берега.

Осип лежал под зонтом, следил, как исчезала и выныривала из воды ее темная голова. Ждал, когда Стелла выйдет, чтобы убедиться в соответствии воображаемого им кадра и действительности. И Стелла не подвела! — вышла из океана, как богиня: вода струилась по ее налитым плечам и бедрам, она вся сияла жизнью и огнем, беспечная, уверенная в себе. И если бы не пожилой мужчина в том же кадре, мужчина с отвисшим, в складках, животом, наклонившийся над водой и брызгающий себе под мышки, то вся

сцена была бы великолепна, как на экране. С той минуты Осип уже не сводил со Стеллы глаз. И, кажется, она об этом знала...

— Твоя жена — гулящая? Смешной ты. Да она за тебя в огонь и в воду. Поверь мне. Я в женщинах разбираюсь.

Сплетя пальцы рук, она поднимает их над головой, выгибается.

— А-ах, хорошо... Почему все хорошее быстро уходит? Нет бы, тянуться такой ночи лет сто! Луна такая чистая, как у нас в Бессарабии. Сороки — слышал о таком городишке? Я там выросла. А ты откуда родом?

— Из Питера.

— А-а, город на Неве. Никогда там не была. Правда, я много где не была, путешествую только в фантазиях. Ладно, пора идти.

Он встает, идет следом за Стеллой.

— Это правда, что ты известный киношник?

— Да, режиссер. Впрочем, насчет известный — не уверен. Во всяком случае, пока еще не Феллини и не Тарковский. Откуда ты знаешь, что я снимаю фильмы?

— В Seagate, как у нас в Сороках, — все обо всех всё знают и постоянно сплетничают. Если что услышишь обо мне, не удивляйся.

— А я знаю и без всяких сплетен, что твоя любимая актриса — Софи Лорен. Вы с нею чем-то похожи, такая же масть. Угадал?

— Масть бывает у лошадей, — резковато отвечает Стелла, видимо, задетая тем, что кто-то незнакомый столь бесцеремонно проник в ее святая святых.

«Ди-ин... Ди-ин...» — глухо и жалобно стучит металлическое било маяка.

— И про что же твои фильмы? Небось, про мафию?

— Нет, про писателей.

Они уже у самого обрыва. Осип влезает наверх, протягивает Стелле руку. Она, однако, словно не замечает его предложения помочь: ловко упирает ногу в торчащий корень, хватается за железный столбик, врытый в землю, и через миг, как сильная кошка, запрыгивает вверх. Отряхивает штаны от песка. Оба пролезают через прореху в заборе, идут по тропинке.

— Тоня у тебя хорошая, любит тебя. И мама она тоже заботливая, — в голосе Стеллы как будто слышны иронические нотки. — Ты тоже заботливый отец, я видела, как ты на пляже возишься со своим мальчиком. Вот мы и прибыли.

В ее доме погашены окна, на стене у наружной двери горит фонарь.

— Ну что, режиссер, спасибо за компанию. До встречи на пляже, — она выбрасывает сигарету, игриво шевелит пальчиками на прощанье.

Осип возвращается домой. Сначала входит в комнату Арсюши. Тихонько вынимает из рук ребенка леопарда, подтягивает простынку к плечикам сына, гладит его по волосам. И... ловит себя на мысли, что эта мизансцена сентиментальной отцовской любви банальна. Бессмертный кадр-штамп: сладко спящий в кроватке ребенок, которого гладит по голове любящий отец.

В окнах жужжат лопасти вентиляторов. Осип заходит в спальню. Там Тоня — в черных трусиках, маленькая грудь открыта. Горит настольная лампа. Осип садится возле жены.

— Что, прогулялся? — Тоня откладывает журнал мод, протягивает мужу руку, уже тронутую загаром. — Тебе, кстати, звонил Ник, интересовался, как дела, просил перезвонить. Может, у него есть для тебя какое-нибудь интересное предложение. Ты ведь теперь — звезда, ты — нарасхват.

Осип гладит жену по бедрам, задумчиво смотрит перед собой на пустую стену.

— Позвони на работу и возьми на неделю отпуск, — продолжает она. — Вообще стоит подумать о смене антуража. Тебе пора уходить с этой дурацкой работы в гостинице, ты ведь у меня режиссер, а не охранник, — Тоня отодвигается к стене, освобождая место на кровати рядом с собой.

— Завтра поеду домой за фотоаппаратом и видеокамерой, — произносит он тихим, но решительным голосом.

Глава 3

Соседи по дому — Джеффри, Эстер и пятилетний Мойше.

Главе семьи — лет сорок; худой, ростом чуть выше среднего. Всегда в несвежей белой рубашке, мятых штанах с болтающимися на поясе белыми ниточками-цицит. Похоже, лысеющий, но с уверенностью сказать нельзя, поскольку всегда в ермолке. На вытянутом бородатом лице Джеффа часто проступают нездоровые красные пятна. В общем, обычный хасид средних лет.

Хотя... если приглядеться повнимательней, что-то нетипичное, «не хасидское», сквозит в его прямой, а не сутулой фигуре, в свободных жестах, несколько вальяжной походке.

Его жене Эстер лет тридцать пять; круглолицая, в старомодной шляпке, длинной юбке, из-под которой проглядывают белые кроссовки, в застегнутой наглухо блузке, подчеркивающей полноту плеч и отсутствие талии. Ее любимые занятия — пить пиво, играть с детьми во дворе в футбол и устраивать Джеффу сцены.

Они поженились год назад, когда Эстер оставила в Денвере своего мужа-алкоголика и 15-летнюю дочку и, взяв с собой пятилетнего сына Мойше, приехала в Нью-Йорк. В Денвере она была далека от хасидизма, напротив, любила бары, казино,

выпивку, словом, все то, что суровый Господь на дух не переносит. Но в Нью-Йорке, сойдясь с Джеффри, вынуждена была войти в лоно ортодоксального иудаизма, омыться в водах миквы, сменить шорты на длинную юбку, надеть парик, шляпку и в положенные дни ходить в синагогу.

Ее сын Мойше тоже быстро преобразился: оброс пейсиками и надел ермолку. У него глаза черные, как угольки, и сам он очень смуглый. По словам Эстер, сын — в деда, который был наполовину евреем, а наполовину индейцем.

Мойше — ребенок, травмированный всем, что ему пришлось пережить: драками пьяных родителей в Денвере, расставанием с отцом и сестрой, переездом в чужой город, знакомством и новой жизнью с дядей Джеффом, который, как и папа, часто бывает пьян и неприятно пахнет табаком, но, в отличие от папы, маму не бьет и незнакомых пьяных женщин домой не приводит, а постоянно ходит в синагогу. В общем, от такого множества перемен бедный Мойше растерялся и как-то утратил связь с окружающим миром. По природе мальчик добрый и безответный, он смотрит вокруг удивленными и не по-детски грустными глазами, словно хочет спросить: а почему это так? А неужели нельзя, чтоб всё было иначе?

Игрушек у Мойше почти нет, телевизора в их доме тоже нет. В хедере, куда он пойдет учиться этой осенью, пока каникулы. Ни друзей, ни приятелей нет у бедного Мойше. Любимая собака Джилл осталась с отцом и сестрой.

Стоит ли говорить, каким счастьем для Мойше стало появление Арсения! На зеленом газоне, где еще вчера лежал только черный шланг для полива травы, теперь повсюду валяются надувные круги, пиратские корабли, динозавры. На столе часто стоит лэптоп с подключенным Интернетом, где можно играть в компьютерные игры, а в холодильнике в квартире Арсения всегда несколько сортов мороженого — с шоколадом, орехами и ягодами.

Пригласив Мойше в гости, Арсюша, как хозяин, деловито подставляет к холодильнику стул, взбирается, открывает морозилку и вытаскивает оттуда сразу все упаковки. Иногда, правда, случаются неприятности, скажем, тяжелые упаковки падают на пол или Эстер вдруг спохватывается, что сына нет во дворе, и начинает поиски. Тогда Мойше быстро откусывает холодные куски, обжигающие рот, и, проглатывая их на ходу, выбегает обратно во двор. На вопрос мамы, что он делал у соседей, Мойше, измазанный шоколадом и кремом, правдиво отвечает, что ел мороженое.

— Никогда не думал, что стану наркоманом. Я мечтал стать знаменитым певцом, когда-то имел редкое сопрано... Мы жили в небольшом городке в Кентукки. Родители отдали меня в специальную музыкальную школу, платили за учебу сумасшедшие деньги. А потом, когда мой голос стал ломаться, — Джеффри крепко затянулся сигаретой, словно желал еще сильнее посадить свои голосовые связки. — Моя музыкальная карьера на этом закончилась. И все пошло прахом.

Они сидели во дворике под навесом. На столе — открытая бутылка водки Grey Goose, на блюдах — маслины и ломтики сыра.

День клонился к вечеру, но жара пока держалась.

Джеффри налил себе еще рюмку:

— Десять лет наркомании! Героин, кокаин, таблетки. Передозы, госпиталя, жизнь на улице... — он говорил вполголоса, чтобы не слышали ни Эстер, играющая во дворике с детьми в футбол, ни Тоня, полулежавшая в шезлонге с книжкой в руке.

Трудно объяснить, с чего вдруг Джеффри так разоткровенничался с этим евреем из России, который наверняка даже не знает, как выглядит пакетик героина. Кто ему Осип? Первый встречный. Но первому встречному порой бывает легче открыться, чем близкому родственнику.

— Из-за моей наркомании семья от меня отказалась, — продолжал Джефф.

— Еврейская семья отказалась от сына? Редкое явление.

— Да, родители — преподаватели в колледже, уважаемые люди, их можно понять — пятно на репутации. Если бы я остался в Кентукки, наверняка бы погиб. Но Богу было угодно меня спасти и привести сюда, в Нью-Йорк. Слава Богу, Барух Ашем! — он махом опрокинул рюмку водки, закусил маслиной.

Осип тоже выпил. Он слушал эту исповедь, и вдруг в какой-то момент религиозные атрибуты Джеффри — пейсы, бороду, ермолку — словно сдуло куда-то. Осип увидел перед собой слабого, надломленного человека. Даже выражение лица Джеффри ему показалось сейчас наркомански-вороватым.

Попытался себе представить: небольшой городок в Кентукки, маленькие заводы и фабрики. После работы здоровые парни идут в пивные бары и буфеты, пьют там пиво со стейками, разговаривают о страховках на автомобили, о банковских ссудах на дома, о скачках. И этот ранимый, чувствительный Джефф, потерявший свое редкое сопрано, а вместе с ним и свое «я», ну никак не вписывался в размеренную обыденную жизнь рабочих парней в далеком Кентукки.

— Хасидская община Seagate сделала богоугодное дело — они дали мне работу повара в иешиве. Стыдно сказать, мне почти сорок лет, а делать толком ничего не умею. Но жизнь постепенно налаживается, Барух Ашем! — Джеффри снова налил себе, и водка в бутылке спустилась ниже нарисованных на стекле гусей. — Вот женился, усыновил Мойше. Не нюхаю и не колюсь. Конечно, Талмуд мне дается с большим трудом, моя семья религиозной никогда не была, отец вообще в Бога не верил. В иудаизме я почти как турист. Знаешь, иногда молюсь в синагоге, и вдруг испытываю настоящее раздвоение личности: мне кажется, что это молюсь не я, а мой двойник. И думаю себе: пусть бы этот двойник так и оставался здесь, в талесе и с Торой, пусть

молится, а я бы — сбежал в Кентукки, там такой хороший героин, ты себе не представляешь... — Джеффри умолк.

— Да, все это непросто, — сказал Осип, взглянув на Тоню.

Она уже закрыла книгу, собираясь встать. Почему-то сейчас жена показалась ему не такой привлекательной, как обычно.

— Хочешь, надену тебе тфилин? — предложил Джеффри. — Знаешь, что это за обряд?

— Да.

— По-моему, еще не поздно, — Джефф посмотрел на часы, затем достал из кармана мобильник, набрал номер. — Да, ребе, это я. Хочу надеть тфилин одному хорошему еврею, — он подмигнул Осипу. Закончив разговор, спрятал телефон обратно в карман. — Тебе повезло, еще успеем.

Осип взглянул на небо, где в просвете между кронами деревьев показался прозрачный месяц.

— Нет, лучше не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

Он подумал, что время уже закончить посиделки с Джеффом. Пора брать видеокамеру и идти на берег, где он договорился встретиться со Стеллой. А после этого еще предстоит ехать на Манхэттен, на работу в ночную смену в гостинице «Мандарин».

Глава 4

Не все быстро поддается логическому объяснению. Впрочем, стоит попытаться понять, зачем Осипу понадобилась эта неинтересная и по сути бесперспективная работа в Оперативном центре охраны гостиницы «Мандарин».

Сама работа — низкооплачиваемая, Тоня как менеджер в ателье даже в нынешние неблагоприятные времена получала раза в три больше. Конечно, любой доход впрок. Но стоило ли губить время, часами просиживая перед экранами в зале Оперативного центра охраны? Тупо глядеть, как по коридорам двигаются безликие постояльцы, как они входят в спа-салоны, гостиничные бары и рестораны, как по служебным коридорам горничные толкают к грузовым лифтам контейнеры с горами грязного белья, а у входа швейцары в красных камзолах и фуражках услужливо открывают двери возбужденным нью-йоркской атмосферой туристам. Скрытые камеры в здании наведены на все лестничные клетки, пожарные выходы, разгрузочные площадки, гаражи, отсеки вентиляционного и электрического оборудования. Нет, тратить свое драгоценное время, чтобы пялиться на экраны, рассматривая все это, определенно не стоит.

Уход мужа в охрану Тоня приписывала его очередному чудачеству, выверту, к которым после десяти лет совместной жизни она уже привыкла.

...Когда-то, выходя замуж за студента Театрального института, она втайне надеялась, что Осипа как театрального режиссера ждет блестящее будущее: Питер, потом, может, Москва. Себя же она видела на вторых ролях в той яркой жизни, где славу и деньги будет обеспечивать муж, а ей лишь останется подставлять свое хрупкое плечико под это сладкое бремя. Еще бы! Он ведь (а на этот счет у Тони не было ни грамма сомнения) безумно талантлив! Она в его талант верила больше, чем в себя.

Но когда до окончания института оставался год, Осип вдруг сделал, по его словам, «прыжок с моста» — бросил институт и пошел учиться на кинооператора. «Жаль, конечно, что он не закончил институт. Но разве настоящему таланту нужен диплом? Кино? Что ж, это даже лучше, — решила Тоня. — Более современно, больше перспектив».

О-о, наивные представления жен, связавших свою судьбу с художниками! Не ждите, девушки, того, что показывают в красивых фильмах и о чем пишут в глянцевых журналах. Врут они всё! Врут. И если вам доведется встретить бледного юношу с горящим взором, который вам покажется гением, — бегите от него! Бегите без оглядки, пока вы не превратились в очередной соляной столб из окаменевших слез!

Закончив соответствующие курсы, Осип поработал оператором на студии документальных фильмов, участвовал в съемках ленты про беспризорных детей.

Фильм еще монтировался, но не за горами был очередной «прыжок с моста»: однажды Осип сообщил, что попросил у своих родных, когда-то уехавших в Америку, прислать им вызовы на постоянное место жительства. «Тогда, пять лет назад, я с ними уезжать не захотел. Но с тех пор многое изменилось. Дело не в том, что политическая обстановка в России мне все больше не нравится. Вернее, не только в этом. По своим родным — родителям и старшему брату — я тоже не шибко соскучился. Подлинная причина в другом.» Как объяснил Тоне, он еще «не чувствовал себя готовым к настоящему творчеству». Оказывается, вокруг не было чего-то такого... «Понимаешь, Тонч, — так он называл жену, — я слишком хорошо знаю питерскую жизнь, я слит с нею. Но я не вижу себя. Мне нужно отойти далеко в сторону, оказаться на другом берегу».

Тоня, еще не так давно мечтавшая взлететь на вершину мужниной славы, начала смутно догадываться, что ей лучше готовиться не к захватывающим дух полетам, а к «прыжкам с мостов». Она уже не так усиленно искала логику в поступках мужа, замечая в нем определенную странность, которую ранее принимала за одержимость гения. «Ты просто не веришь в свой талант», — убеждала его Тоня, хотя, по правде, и ее вера в талант мужа заметно пошатнулась.

«Что ж, в конце концов, Америка — не худший вариант», — успокаивала она себя. Почему-то была уверена, что рано или поздно Осипа все равно куда-то понесет.

Переехав в Штаты, они поселились в провинциальном городке Пенсильвании, где жили Осипа родные. Жизнь там была смертельно скучна: Осип с Тоней получали государственное пособие и в каком-то захудалом центре для новоприбывших иммигрантов изучали английский язык. У обоих возникло ощущение тупика.

Все изменилось после того, как оказавшись на одном из нью-йоркских фестивалей, он встретил известного режиссера Славу Цукермана, создателя нашумевшего в Америке, даже культового фильма «Жидкое небо».

— Нью-Йорк — благодатный для кино город, сегодня это культурный центр мира, — говорил Цукерман, через несколько дней после фестиваля пригласив Осипа к себе в гости. — Жизнь здесь кипит, каждый день рождаются новые идеи. Думаю, сейчас в Нью-Йорке снимается больше независимых малобюджетных фильмов, чем в любом другом месте на земле. В Голливуде же может пробиться только тот, кто уже снял успешный фильм на английском и готов вписаться в их систему. Зато здесь люди более открыты для всего нового, чем в любом городе Америки, а может, и мира. В Нью-Йорке острее чувствуется тоска по прекрасному...

Было интересно слушать этого режиссера, еврея, «русского душой», так проникновенно влюбленного в Нью-Йорк.

— Но чтобы снимать американские фильмы, надо сначала понять американскую жизнь, а она очень сильно отличается от российской. Один мой знакомый на пути из России в Америку во время остановки в Италии написал сценарий об Америке и хотел мне его прислать. Я ему ответил, что читать этот сценарий не буду. К его талантам это никакого отношения не имеет. Человек из России, который никогда не жил в Америке, не может написать сценарий об американской жизни, даже если он гений. Жизнь

познается только на собственном опыте; чтобы человек начал сносно ориентироваться в новой жизни, должно уйти несколько лет. Тяжелых лет, – тяжелых, несмотря на желание в эту жизнь вписаться. Хотите того или нет, но сперва нужно хорошенько потереться о колючий кустарник иммиграции. К тому же, профессия режиссера сама по себе требует безумного желания осуществить свою мечту, без этого желания, без этой одержимости режиссер состояться не может. Я видел много разочарований, видел и тех, кто в бывшем Союзе хотел стать режиссером, а здесь, в Штатах, решил пойти в программисты или в дантисты. Кстати, а что у вас за плечами, молодой человек? Какой жизненный опыт? Незаконченный институт, женитьба, год работы на студии документальных фильмов... — Цукерман на миг умолк, словно представил себе чашу весов с жизненным опытом Осипа. — Я, конечно, не пророк, но... Осип, а вы, случайно, не хотите стать дантистом? Пять лет учебы — и ваше американское будущее обеспечено. Будете ставить световые пломбы и фарфоровые зубы. Захотите — переедете в Голливуд, там хорошие дантисты всегда нужны, они там не менее успешны, чем режиссеры. Купите себе виллу с бассейном, телевизор на всю стену и машину для изготовления домашнего попкорна. Зачем вам эти творческие мытарства, неопределенность, бедность? Ну-ну, не сердитесь, шучу. Такое у меня чувство юмора.

И Осип внял совету коллеги. Тоне пришлось пережить очередное разочарование, когда, вернувшись от мэтра (Тоня втайне надеялась, что Цукерман предложит мужу работу в своем новом фильме), Осип заявил, что они переезжают в Нью-Йорк, и он идет «тереться боками о колючий кустарник и встраиваться в новую жизнь». Идет работать таксистом. Потом была работа санитаром в хосписе. Словом, его жизнь напоминала даже не захватывающие прыжки с мостов, а ползание на брюхе.

Зато карьера Тони, расставшейся с иллюзиями, потихоньку пошла вверх: начав с портнихи, Тоня доросла до должности менеджера в престижном ателье. Мужа она

жалела изо всех сил, смирившись с мыслью, что вышла замуж за хорошего человека, но неудачника со странностями, которые когда-то ошибочно приняла за признаки таланта.

Как многие жены мужей-неудачников, груз ответственности за семью она взвалила на свои хрупкие плечики, при этом довольно сильно согнув свою лебединую шею. Тоня отвечала за финансовое благополучие семьи, медицинские страховки, уплату счетов. Каждый переход мужа на новую работу принимала уже спокойно, почти без нервов, расценивая как очередное шараханье.

Но больше всего огорчало Тоню безразличие мужа к сыну. Да, он проводил с Арсюшей время, но только, по ее мнению, для галочки, выполняя свой отцовский долг и при этом всегда поглядывая на часы. Постоянно забывал дату рождения сына, и Тоня пускалась на разные мелкие уловки, скажем, расставляла повсюду в квартире фотографии Арсюши или, где могла, вводила его имя и эту дату в компьютерные пароли.

Сын часто спрашивал: «Ма, а где папа? А когда он придет?» — и ей приходилось, улыбаясь, врать, что «папа на работе, он тебя очень любит и на уик-энд мы все вместе пойдем в парк и в магазин игрушек».

Наступал уик-энд, и папа, случалось, действительно шел вместе с ними и в парк, и за игрушками. Стоило Арсению попросить, чтобы ему купили какого-нибудь монстра, Осип тут же доставал кредитную карточку и, набив полную корзину этими пластиковыми уродами, скоренько шел к кассе расплачиваться, в чем, кстати, Тоня видела очередное подтверждение — отец не любит сына. Да что говорить! Когда он снимал Арсения на камеру, видео и фотоснимки сына интересовали его исключительно с эстетической точки зрения. Разве это настоящий любящий отец?

Арсюша каждый вечер с нетерпением ждет отца: вот, папа придет и расскажет ему какую-нибудь историю. Ведь никто, кроме папы, таких историй сочинять не умеет. Герои этих историй, и пираты, и путешественники, — все они папины друзья.

Папа обещает, когда Арсений вырастет, взять его с собой к пиратам на корабль. Поэтому Арсений спешит вырасти. Для этого он делает все возможное: прилежно учится в школе, писает прямо в унитаз, поднимая перед этим стульчак, и на ночь иногда аккуратно складывает всех своих монстров в коробку.

Но... папы часто до ночи нет дома. Иногда, когда Арсюша уже почти спит, он смутно, сквозь цветные круги, чувствует, как в комнату входит папа, накрывает его одеялом, гладит по голове. Арсюше хочется проснуться и папу обнять, но веки такие тяжелые, что их не поднимешь. Он нащупывает волосатую папину руку и, крепко обхватив, прижимает к себе.

К последней работе мужа — оператором в гостиничной охране — Тоня отнеслась уже почти благодушно, разве что уточнила, не опасно ли это для жизни, все-таки охрана гостиницы, мало ли что. Услышала в ответ, что более безопасного места быть не может: сидишь за стальной дверью в зале, управляешь скрытыми видеосокамерами, установленными в разных точках гостиницы, смотришь на экраны и чуть что — докладываешь оперативному дежурному. Такое описание Тоню успокоило.

Осип уверял, что работа охранника даст ему возможность «уловить ритм столицы мира». К тому же у него будет прорва свободного времени, особенно по ночам, и он спокойно сможет заниматься своими творческими делами.

И все-таки Тоня ошиблась! Прожив с ним столько лет вместе и поставив на нем клеймо горемыки, она не замечала, как все эти годы в нем вызревал талант художника, направлявший неведомыми путями его судьбу.

К тому времени у него уже был написан сценарий, составлен бизнес-проект, и он занимался поиском спонсора. Прошло еще немного времени, и начались съемки.

Ночи напролет Осип сидел в операторском зале гостиницы «Мандарин», за стальными дверями, надежность которых обеспечивают секретные коды. Его напарник Уолтер, бывший коп, отвечающий за оперативное реагирование при любом ЧП, дремал, по старой полицейской привычке положив ноги на стол. Будучи очень разными, они с Осипом все же испытывали взаимную симпатию.

Уолтер в скором времени нашел себе подружку, жившую неподалеку от гостиницы. Перед тем как отправиться к ней, он вытирал свое гладкое мясистое лицо и шею влажной ароматизированной салфеткой, смотрелся в зеркало, подмигивал себе и уходил на несколько часов, а то и до утра. Он знал, что Осип никуда не денется, потому что занят своей картиной.

Осип монтировал фильм, подключив ноутбук к системе наблюдения отеля. Сверхчувствительная аппаратура оказалась тут нельзя более кстати, в первую очередь большие экраны.

Уолтер, возвращаясь от своей Лизы, добродушный, пахнувший духами и свободой, застал Осипа в том же кресле, в той же позе, с включенным ноутбуком и тем же безумно напряженным взглядом. Фильм про писателей Уолтера интересовал мало, вернее, не интересовал вовсе, он любил передачи про животных или о торговле недвижимостью. Осипа, однако, уважал за добросовестность, считал его чудачком, который, чем черт не шутит, может, и разбогатеет когда-нибудь.

Когда Уолтер узнал, что фильм Осипа получил на фестивале приз, он искренне порадовался за друга, привел в Оперативный центр свою ночную герлфренд, чтобы познакомить ее с известным режиссером, его русским приятелем, и угостил Осипа в пивном баре.

Уолтер даже стал подумывать, не податься ли и ему самому в киноиндустрию, поднял свои былые связи в полиции, в отделе по борьбе с особо опасными преступлениями. Предложил Осипу помощь — можно будет заснять ночные рейды, аресты наркоторговцев, изъятие оружия, застреленных проституток и прочее в том же духе, что так любят зрители во все времена. Себя же Уолтер видел в роли консультанта. И был очень огорчен, когда на его предложение Осип отреагировал без всякого энтузиазма. Вот чудак, кто ж отказывается от такого?!

Впрочем, вскоре недоумения Уолтера разрешились. Он зауважал Осипа еще больше, когда на пяти экранах, отключенных от камер Оперативного центра, появилась женщина поразительной красоты в бордовом купальнике.

— Как ее зовут? — спросил Уолтер, слегка подвинув в сторону свою левую ногу на столе. Уменьшил в рации звук, поставил ее на стол рядом со своей черной туфлей. Пиджак его был расстегнут, открывая небольшое аккуратное брюшко под светлой рубашкой и ремень, охватывающий могучую грудь, чтобы поддерживать кобуру с пистолетом.

В зале было тихо, изредка попискивали поставленные на подзарядку рации.

Экраны показывали жизнь «Мандарина»: в здание входили постояльцы — и те, кто останавливался в отеле лишь на сутки, и те, кто жил там месяцами. Входили важные типы, окруженные телохранителями, входили политики, журналисты. Днем и вечером в

гостинице и вокруг нее кипела жизнь. Ночью экраны пустели, лишь изредка по коридору в свой номер плелся какой-нибудь подвыпивший турист.

— Все-таки, как зовут эту красавицу? — снова спросил Уолтер.

— Лорен. Софи Лорен, — он хмыкнул, оценив свою же шутку. — Шучу. Это моя соседка в Seagate, моя новая пляжная подружка.

Глава 5

Утро. Солнце нежно золотит песок. Через калитку, влача матерчатые сумки и зонтики, на пляж проходят первые посетительницы — молодые мамы. Их дети бегут к воде. На вышках сидят парни-спасатели в ярко-красных трусах и опознавательных курточках, со свистками, болтающимися на груди; в них сегодня еще не дули, но очень скоро эти безобидные бирюльки-свистки превратятся в иерихонские трубы.

Нежен зыбкий песок, накануне по пляжу проехала машина, разровняла берег, смела мусор. А волны океана довершили уборку, слизав с покатога берега возведенные вчера замки, крепостные валы и мосты из веточек.

Лениво дышит океан, лишь мельтешат блики на его поверхности. Чайки и альбатросы застыли на темных валунах, и если бы изредка не взъерошивали перья и не подавали голос, птиц можно было бы принять за музейные чучела, давно посаженные на эти камни...

Вдали на мысе видны подъемные краны порта, где швартуются сухогрузы и откуда выходят океанские лайнеры. Величавые плавучие города тянутся вереницей, оставляя позади небоскребы Манхэттена, мост Верразано, порт, бухту, и уходят в какую-то великую, страшную даль...

Осипу этот вид напоминал Финский залив и почему-то фотоальбомы его детства с пейзажами Крайнего Севера. Тоню же вид океанских лайнеров и застывших на камнях чаек, как она выражалась, просто завораживал.

Что касается Арсюши, то, когда мама или папа вытягивали руку вдаль, говоря ему: «Посмотри, какой красивый корабль!» — менее всего задумывался он о красоте и старался смотреть на вещи с практической точки зрения: сначала спросил родителей, не смогут ли они ему такой корабль купить. Получив твердый отказ, а папа почему-то еще и рассмеялся, Арсюша не очень расстроился. Он уже был не так мал, догадывался, что размер такого корабля все-таки великоват для ванны в их квартире. Тогда он пожелал следующим летом отправиться на таком корабле в путешествие. Он согласен взять с собой и маму, хотя она наверняка и там круто ограничит его доступ к компьютеру и телевизору.

Получив родительское согласие, Арсюша радостно схватил огромную надувную акулу и побежал в воду.

...Акулу нужно бросать в волну брюхом вниз, а потом наваливаться сверху на ее мягкую спину и хвататься крепко за плавник. Ногами нужно обхватывать ее ближе к хвосту, сжимая коленями ее черные бока. Очень важно при этом держать рот закрытым, потому что туда попадает соленюще-горькая вода. Рот, однако, раскрывается сам собой, с этим ничего не поделаешь. Но самое важное в технике плавания на акуле — не попасть под волну. Нужно только прямо и вперед, туда, к гигантским кораблям.

Акула, такая покладистая на берегу, в воде становится неуправляемой. Поначалу она вроде бы покоряется под нажимом Арсюшиных коленок, но потом начинает сильно дергаться, норовит вырваться. Плавник ее то и дело выскользывает из рук. Арсюше стоит невероятных усилий удерживать эту вертлявую акулину.

Какое-то время он плывет верхом, а потом все-таки теряет контроль и соскальзывает с акулы. Темная волна стеной нависает над Арсюшей, мир переворачивается, и... Папина рука умиряет непокорную акулу, схватив ее за нос, а другая его рука поддерживает под мышку падающего в бездну сына.

Папа снова сажает Арсюшу на акулу. Тот, дрожа от волнения или от удовольствия, но ни в коем случае не от страха, готов к новым приключениям. Но кричит: «А-а!!!» — потому что, по правде сказать, ему страшновато, они ведь уже так удалились от берега! Папе вода — аж выше пупа! А вдруг папа его сейчас здесь оставит?.. Не переставая кричать, Арсюша обхватывает одной рукой папину шею. Акула, что ни говори, все-таки менее надежна, чем папа. И, дрожащим лягушонком, Арсюша — прыг на отцовскую грудь.

— Ну, тогда держись за меня крепко! — переместив сына на спину, Осип входит глубже в воду, плывет.

Папа — определенно не акула, с ним куда легче, хоть у него и нет плавников. Папа не трепыхается, не крутится, плывет ровно и спокойно. Он не скользкий, твердый, его удобно держать за волосы или за шею.

— Не дави так сильно, задушишь, — просит Осип.

Арсюша чуть разжимает кольцо рук, обхвативших папину шею. Зубы его клацают безостановочно, взволнованное сердечко часто стучит.

Осип слышит мелкое клацанье зубов над ухом; его сердце отзывается на частые и сильные удары сердечка сына, они стучат в такт. Осипу почему-то становится страшно от этой невероятной близости. Простая и ясная мысль, что чья-то маленькая жизнь, этот хрупкий комочек, целиком зависит от него, неожиданно становится очень сложной, охватить ее так сразу невозможно...

— Выходите! Он уже синий! — зовет Тоня с берега, но крик ее скорее угадывается во взмахах рук.

Мама не понимает и, похоже, никогда не поймет, что такое пираты. Она живет в мире постоянных перепадов температуры, резкой смены холода и жары и занята ерундой: накладывает на тело отвратительно липкий солнцезащитный крем, отмахивается от мух, то и дело смотрит на свои руки и плечи, проверяет, ровно ли ложится загар. Пьет на пляже воду и заставляет пить Арсения. Из ее уст вылетают скучные слова: обезвоживание, перегрев, организм.

Но мама — красивая, и попа у нее тоже красивая и не такая массивная, как у мамы Томаса. Арсюша этим горд, он видит маму не только на пляже в купальнике, но и дома, когда она выходит после душа в маечке и трусиках. Недавно он был в гостях у Мойше, его мама — миссис Эстер — тоже принимала душ, и они с Мойше прильнули к дверям, пытаясь подсмотреть в щелочку, пока их не заметил и не отогнал мистер Джеффри...

Теплое мягкое полотенце окутывает промерзшее до последней косточки тело Арсюши. Холод проник повсюду — в его живот, грудь, пальцы и зубы. Арсюшу кладут на подстилку. Маленький комочек в полотенце, свернувшись, как улитка, лежит, подрагивая; наружу торчат только его белые, тоже дрожащие пятки.

Арсюша — в ледяной пустыне, в ящике со льдом! Ему понадобится, наверное, сто лет, чтобы отогреться. Стучат зубы. Он переохладился и обезвожен. Температурный баланс. Организм.

Но через несколько минут Арсюша неожиданно улыбается, вскакивает с подстилки и бежит играть с друзьями.

Пляж Seagate — это демонстрация купальников, соломенных шляп, косынок на бедрах, солнцезащитных очков, педикюра и маникюра. Это театр жестов:

саморассматривание загара на вытянутых руках, проверка своих бедер на предмет их упругости, поглаживание живота и прощупывание мышц под тонким слоем жирка, прикосновение к шее на предмет натянутости кожи, массажирование плеч в расчете... привлечь взгляды нескольких молодых загорелых спасателей на вышках, поскольку иных мужчин на пляже — утром в будние дни — практически нет. Мужья и бой-френды — работают.

Пляж Seagate — это бабье царство, гарем на океанском берегу. Женщины — болтливые приятельницы, благодушные компаньонки, приветливые соседки, но в то же время и непримиримые конкурентки, ведущие бескровную войну, в которой никогда не будет победительницы, лишь постоянно растет счет убитым и раненым.

Только чайки и альбатросы кружат над берегом, испуская пронзительные крики, в которых словно слышится: «Ты пер-р-рвая! Ты кр-расавица! Ты пр-росто пр-релесь!...»

xxx

— Представляю себе, сколько купальников у этих дам! Наверное, многие из них имеют для купальников специальный шкаф, — сказал Осип, провожая взглядом одну пляжницу, битый час фланирующую туда-сюда вдоль берега. — Зимний гардероб у них, пожалуй, скудный: пара теплых курток, может, дубленка. Зимой здесь, говорят, очень ветрено и холодно — все-таки океан. Все сидят в домах, у электрокаминов и теплых батарей, греются. Кто тебя видит? Кому ты нужна? Зато летом — гуляй, душа.

— В каждой женщине живет актриса, которой нужна публика. Вам, мужчинам, не понять тот кайф, когда тебя пожирают десятки глаз. Ты буквально чувствуешь эти взгляды своей кожей, — сказала Стелла.

— Да, понять это трудно, — полушутя согласился Осип.

Они стояли на песке, у кромки воды.

— И еще в каждой женщине живет проститутка. Я много об этом думала. Нет такой женщины, будь она даже самая правильная, которая бы в глубине души не мечтала предаться самому низкому разврату, попросту говоря, не мечтала хоть бы разочек стать последней блядью. И случись это, она испытает глубочайшее удовлетворение, насладившись собой, своим падением. Потом, правда, будет себя сильно презирать, — Стелла умолкла. — Ладно, хватит с тебя, я выдаю слишком много наших бабьих тайн. Кстати, это ничего, что мы с тобой стоим так открыто, нас вдвоем все видят? И жена твоя скоро себе шею свернет, все ходит кругами.

— Она мне доверяет, она не ревнивая, — ответил Осип, сам поразившись той легкости, с какую сейчас мысленно отдалил от себя Тоню. — Смотри, чтобы потом у тебя не было проблем.

— Ой! — вдруг, ойкнув, Стелла подняла стопой вверх ногу, при этом опустив руку на плечо Осипа. — Кажется, наступила на ракушку, — вытащила из ноги и щелчком отбросила крохотный черный кусочек. — Когда же ты наконец покажешь мне последний видеоролик? — спросила с капризной ноткой в голосе, снимая руку с его плеча.

— Через несколько дней. Мне еще нужно с ним поработать.

— Скажи хоть, как я там получилась?

— Как всегда — неотразима.

Он мысленно увидел тот отснятый незаконченный ролик, где Стелла в неглиже с крыши его «Бьюика» вползает в салон машины. Машина трогается с места и несется к обрыву. Под музыку из «Кармины Бурана». Ага, вот чего там не хватает — финального кадра: смонтировать бы, как машина с обрыва летит в океан, а Стелла появляется из воды, вся обьятая огнем.

— Кстати, ты никогда не рекламировала автомобили? Недавно в холл гостиницы, где я работаю, пригнали пару лимузинов «Линкольн» и девочек с длинными ногами для их рекламы, хотя они в технических свойствах машин ни черта не разбираются. Этих девочек у нас так и называют: линкольн-герл. Могу спросить, не найдется ли там и для тебя местечка, хочешь?

— Рекламирывать «Линкольны» в отеле наверняка приятнее, чем за гроши убирать дома. Но, увы, я — нелегалка, без документов никакая приличная работа мне в Штатах не светит, — Стелла сделала руками пару движений, словно держась за баранку. — Я — линкольн-герл, ж-ж-ж, — и расхохоталась.

Осип покосился на нее. Перед его глазами встал отличный кадр: безлюдный берег, обрывы, поросшие редким кустарником. И коварный прищур ее огненных цыганских глаз! Контрабандистка! Длинная юбка и черная футболка с короткими, нет, с длинными рукавами.

— По правде говоря, для утонченных ролей ты не совсем подходишь. Не обижайся, но ты слишком чувственная. Как и твоя любимая Софи Лорен. Это вообще не мой тип женщин. Я больше люблю тощих, на вид немножко замученных, типа Николь Кидман или Джулии Робертс. Помнишь, как Джулия Робертс сыграла проститутку в фильме «Красотка»? Миллионы зрителей проливали слезы. Мой напарник в охране, бывший коп по борьбе с особо опасными преступлениями, однажды признался мне, что плакал два раза в жизни — на похоронах своей матери и когда смотрел этот фильм. Вот это, понимаю, сила искусства!

— Совершенно глупый фильм. Хотя бы потому, что проститутки никогда не спят с теми мужчинами, которых любят. Любовь для них — слишком тяжелое испытание.

— Хм-м, интересно, — он помолчал, пытаясь проникнуть в смысл услышанного. — Знаешь, я придумал для тебя другую роль.

— Какую?

— Тебе понравится. Надеюсь, в твоём гардеробе найдется длинная темная юбка и черная футболка. Вот и хорошо. Значит, сегодня вечером, в девять? Гарантирую, мы сделаем потрясающий клип: «Кармен», музыка Бизе плюс немножко «Роллинг Стоунз». Как тебе, а? — он задорно щелкнул пальцами, предвкушая съёмку.

— О'ке-эй! Сегодня в девять! — Стелла внезапно обхватила его голову и, прижав к себе, поцеловала в волосы. Она-то думала, что съёмки закончены, что это баловство Осипу надоело. Нет же! Съёмка продолжается! Три, два, один, action!..

Ни слова не говоря, быстро пошла прочь. Случайно или нет, нагнала Тоню, которая шла вдоль кромки воды, уже не глядя больше на мужа после стольких попыток отвлечь его от этой пляжной красотки. Поравнявшись с ней, Стелла начала вдруг размахивать руками, видимо, что-то говорила Тоне, но до Осипа не долетало ни звука.

Он смотрел вслед двум этим женщинам и невольно сравнивал их. У Стеллы была походка профессиональной стриптизерши. Осип уже знал от нее, что не так давно Стелла танцевала в стриптиз-клубах и работала в эскорте, словом, была «задействована» в секс-индустрии. Осип и не сомневался в том, что вся она, до последней нитки, соткана из фальши, лжи и притворства.

Но Тоня, его Тоня, строгая и чистая, рядом со Стеллой выглядела сейчас блеклой и заурядной. В его глазах утратила очарование даже ее лебяжья шея, придающая облику утонченность и необычайную нежность.

Он чувствовал, как сильно и часто начинает биться его сердце, когда он взглядом скользит по Стелле.

Его пальцы непроизвольно зашевелились, словно искали кнопку фотоаппарата. Почему-то ему захотелось увековечить эту сцену — две грации на берегу.

Э-э... Все это чепуха! Побалуюсь со Стеллой еще немного, а потом — за работу.

Не забыть позвонить продюсеру, поговорить с ним о новом фильме.

Он двинулся навстречу набегающим волнам и, когда вода достигла груди, нырнул.

Глава 6

То лето выдалось дождливым. Используем же эту фразу как трамплин для прыжка в следующую главу, где мы видим Стеллу, выходящую из дверей своей скромной квартирки в Seagate, на первом этаже. Возле наружной двери к стене привинчен фонарь.

Фонарь Стелла может включать и выключать, когда пожелает. Хозяин дома с редкой для домовладельца щедростью разрешил Стелле пользоваться этим фонарем бесплатно.

Фонарь приносит не только практическую, но и психологическую пользу: создает у Стеллы иллюзию, что она не так одинока, что в ее квартире кто-то есть и что ее там ждут. Поэтому горит он круглые сутки, в любую погоду, и Стелла благодарна жизни за этот маленький подарок.

Надо сказать, что страх возвращения в пустую квартиру Стелла испытывала не всегда. Работая в эскорт-сервисе, она снимала квартиру с двумя подругами-проститутками — Дианой и Ирен. Там царил редкий бардак: повсюду валялась одежда, косметика, посуда, бутылки из-под пива и водки. Все усилия аккуратистки Стеллы держать квартиру хоть в каком-то порядке неизменно проваливались, так же как проваливалась в забвение и сама Стелла после загулов с клиентами.

Страха «пустого дома» она еще тогда не испытывала. Но жизнь изменилась, когда она близко сошлась с N., которого подцепила в баре.

Родители N., этого 45-летнего переростка, жили во Флориде, а он обитал в Нью-Йорке за их счет. Уверял и родителей, и Стеллу, что занят разработкой некоего проекта по веб-дизайну. Но по сути не делал ни хрена, иным словом не назовешь то, чем этот балбес занимался — шлялся по барам и ресторанам, раз в месяц спускал деньги в казино в «Атлантик-Сити» и целыми днями сидел за компьютером в «чат-рум».

Женские прелести Стеллы настолько потрясли этого парня, что он стал преследовать ее, назначал свидания в дорогих ресторанах, привозил к себе домой в Seagate, где снимал целый этаж, и настойчиво просил Стеллу переехать к нему жить.

Стелла в своей чумной жизни девушки эскорт-сервиса еще не знала, вернее, не могла знать, что такое настоящее одиночество, печаль, грусть и прочие чувства, какими так богата жизнь даже самой обычной домработницы, и как убога якобы яркая жизнь нью-йоркских шлюх. Да, она претерпевала разного рода неприятности, скажем, избиения клиентов-извращенцев, хамство водителей лимузинов, оскорбления сутенеров, денежные обманы. Но все эти, так сказать, побочные эффекты, неизбежные неприятности, сопровождающие жизнь проституток, едва ли глубоко задевали душу Стеллы, к тому же постоянно одурманенную алкоголем и наркотиками.

В конце концов она согласилась на уговоры N. и, как говорится, «вышла из бизнеса», сообщив боссу эскорт-сервиса, очаровательному и в такой же степени бездушному Роберту, о своем решении. Очаровашка Роберт тогда посмотрел на нее понимающе. Положил руку ей на плечо — этот его излюбленный жест почему-то приводил Стеллу в сильное замешательство и к полному параличу воли. Роберт предложил ей денег и полез в карман, где всегда лежала толстая пачка сотенных:

— Что, сука, решила уйти от меня? Не делай этого, иначе будешь жалеть.

Стелла, однако, от денег отказалась. Посчитала, что жизнь с N. более спокойна и стабильна, не исключено, что это ее шанс. Ведь старички-родители N. не вечны, у них

во Флориде свой дом, страховые полисы, всякие там инвестиции и деньги на банковских счетах. Чутье и опыт ей подсказывали, что N. крепко сидит на крючке, взят ею, как говорится, за жабры и так просто не соскочит.

Но, продолжая сравнение с рыбой (а N. И действительно имел некоторое сходство с окунем, такую же, окуневую, заостренность профиля и широкоротость, — так вот, окунь N. оказался помимо всего еще и большим простаком, признавшись своим родителям, что «вступил в отношения с одной русской дамой и имеет на ее счет очень серьезные намерения».

Родители спешным порядком приехали в Нью-Йорк. Старички хоть и были в очках и с прогрессирующими катарактами, все же не были слепы. Как Стелла ни старалась им понравиться, как скромно ни опускала ресницы, как ни клала прилежно руки к себе на колени во время семейного ленча, цели своей не достигла. Вернее, добилась результата, совершенно противоположного желаемому. Потом, анализируя причины провала, поняла, что была слишком ненатуральна. «Не Софи Лорен».

Ей помешал страх разоблачения. Забудь она на миг, кто перед нею и ради чего затеяно это семейное сборище, войди в свое привычное амплуа девушки из дорогого эскорт-сервиса, где она с манерами светской дамы обслуживала издателей журналов, топ-менеджеров и профессуру, словом, клиентов, по сравнению с которыми эти флоридские господа и их сынок — мелочевка, дрянцо, все бы пошло как по маслу. Но необычность ситуации — смотрины! — вышибла ее из колеи.

Добродушные старички скоро укатили, наговорив Стелле на прощанье кучу комплиментов, а в следующем месяце на банковский счет N. от них не поступило ни цента. Еще через месяц, когда пришло время платить за квартиру, исчез и сам N. Он сначала вел с родителями телефонные переговоры, молил их выслать деньги, отменил

поездку в «Атлантик-Сити», впал даже в легкую (а, по его мнению, в тяжелейшую) депрессию.

Но родители потребовали от него «оставить эту ужасную русскую мадам, «с ужимками официантки пивбара, которая не даст тебе закончить проект и вытянет из тебя все деньги». Зная своего сына, они оставались неумолимы. В итоге N. пришлось отправиться во Флориду «для серьезной беседы» с угрозами «не потерпеть такого вмешательства в его личную жизнь».

Из Флориды он так и не вернулся. На звонки Стеллы не отвечал. Вскоре в их квартиру пожаловал мужчина в форме грузчика. Предъявив удостоверение личности и доверенность с печатями, мужчина упаковал вещи N. в чемоданы и сумки (Стелла ему помогала), погрузил их в вэн и, оставив копию списка взятых вещей, уехал.

Пережив очередной крутой поворот судьбы, Стелла все же захотела остаться в Seagate. Более того, вырвавшись из эскорт-сервиса, решила больше туда не возвращаться и начать новую жизнь.

Покинув хоромы, где она жила с N., сняла себе квартирку в доме неподалеку от иешивы. Не имея толком ни полезной специальности, ни документов, ни знакомств в мире приличных людей, через бюро по трудоустройству нашла грошовую работу уборщицы квартир.

А через несколько месяцев неунывающая Стелла на пляже в Seagate познакомилась с Осипом.

Глава 7

Тихо в зале Оперативного центра охраны гостиницы «Мандарин». Изредка попискивают стоящие на подзарядке рации. Монотонный гул люминесцентных ламп

под потолком нагоняет зевоту. Поперек зала — длинный стол, на котором находится огромная панель управления с кнопками и рычажками.

В одном углу — хромированный сейф с оружием. Сейф закрыт. Дабы избежать попадания оружия в нехорошие, нечистые руки, на дверце установлен замок с секретным кодом. Разумеется, это правильно — меры безопасности.

Впрочем, шансов, что хоть один из пистолетов или даже один патрон попадет не в те руки, абсолютно, повторяю, абсолютно никаких нет. Пропуска с ограниченным электронным допуском в зал Оперативного центра, в эту святая святых охраны, имеют лишь оперативные дежурные, начальник охраны и его зам. Обычные рядовые охранники, эти чугунные лбы в униформе — даже они не могут сюда войти.

Ах да, забыл про двери в это охранное логово: все тоже закодировано, с электронными ленточками, секретными замками и так далее.

Но довольно о технике Оперативного центра, интерес представляет не она, во всяком случае, для Осипа, сидящего спиной и к сейфу с оружием, и к дверям.

Пять огромных экранов, отключенных от видеокамер внутреннего и внешнего обзора гостиницы, отданы одной-единственной женщине, к гостинице «Мандарин» не имеющей ни малейшего отношения. Каждый из пяти экранов может дробиться на четыре, восемь и шестнадцать частей, тем самым умножая Стеллу, если не ошибаюсь в подсчетах, на восемьдесят.

Стелла на этих экранах то вырастала, то уменьшалась, то становилась почти прозрачной. С ее лицом также происходили метаморфозы: оно укрупнялось до того, что на щеках были различимы даже розовые пятнышки едва проступивших прыщиков, то взрывалось, как петарда, разлетаясь горящими брызгами в виде кусков носа, глаз и ушей.

Осип нажимал кнопки на принесенном из дому ноутбуке, монтируя ранее записанный видеоматериал.

Зачем он снимал эти кадры? Зачем ходил с фотоаппаратом и видеокамерой на безлюдный пляж, и со Стеллой по всему Нью-Йорку? Что он намеревался делать с этими роликами? Нельзя же такую, по сути, видеочепуху представлять на фестиваль. Даже предложить это солидной фирме по развлечению — тоже вряд ли. Кому нужны эти пусть мастерски отснятые и смонтированные сцены с красивой, полной шарма, но совершенно безвестной женщиной?

В качестве самооправдания и хоть какого-то рационального объяснения, Осип приводил следующие доводы: «Это мой творческий брейк. Мне нужна пауза. «Призраки Бруклин Хайтс» стоили мне слишком дорого, я едва не тронулся рассудком, когда однажды на улице умолял какую-то пару дать мне автограф, приняв их за Артура Миллера и Мэрилин Монро. Хорошо, что рядом был Ник, молодчага Ник, при всех своих сумасшедших перевоплощениях и лицедействе ни на миг не терявший чувства реальности. Что же касается Стеллы, то... флирт — обычное явление в артистической среде. Но запретную черту переходить вовсе не обязательно».

А Стелла была потрясающе фото- и телегенична! Все ее мелкие внешние диспропорции, которые мог бы разглядеть только взыскательный эстет, скажем, узковатые бедра или слабо очерченный рисунок губ, на экране превращались в достоинства.

В жизни, стоя рядом с Осипом и прикуривая сигарету, она казалась обычной женщиной, даже несколько вульгарной, каковой, собственно, и являлась. На экране же эта вульгарность совершенно исчезала. На экране появлялась не баба, вышедшая из стриптиз-клуба, а дама, полная страстной истомы с оттенком трагического надлома.

Конечно, нужно отдать должное не только экрану и техническим свойствам объективов, кстати, жутко дорогим. Но отдадим должное и Стелле, этой злой чародейке. Завидев нацеленный на нее объектив и напряженные пальцы Осипа на кнопке, Стелла вмиг преображалась. Ее грязная жизнь с мрачным прошлым — воровством, насилием, наркоманией, арестами — как старое платье, падала к ее ногам, а в объектив входила другая Стелла: чистая и светлая, какой была давным-давно, в отрочестве и ранней юности, когда мечтала стать артисткой...

Она смотрела по-собачьи, даже лицо ее как-то по-собачьи преданно вытягивалось вперед, чтобы по малейшему движению хозяина, одному движению его брови уловить, чего он хочет. «Апорт! Сидеть! Взять! Фас!» И Стелла брала. Не получившая специального образования, она брала высоты за счет врожденных актерских способностей, азарта и внешней красоты.

Она быстро изучила Осипа, нацеливая на него объектив своей женской интуиции и опыта. Она уже знала, что означают его полужакрытые во время или после съемки глаза или вытянутые дудочкой губы. Когда Осип нервничал, недовольный отснятым, Стелла подходила к нему и шутя прикладывала к его губам свою ладошку, мол, помолчи немного, успокойся. Это вызывало у него прилив нежности и сильного желания.

В конце концов Осипа так закружило и понесло, что он уже мысленно согласился с тем, что переспит со Стеллой. Разумеется, она легко ему отдастся, считал он, тем более что она была с ним крайне раскованна и казалась абсолютно доступной. Да, супружеская верность будет нарушена. Но в серьезные отношения с ней он вступать не станет. Только флирт, съемки и секс. Это никак не отразится ни на его семейной жизни, ни на его творчестве.

...Он обнимал ее, положив руки на ее талию, пытался прижать к себе, упираясь набухшим в брюках членом в ее бедра в юбке или, в зависимости от сцены, в трусиках.

Но почему-то всякий раз Стелла выскользывает из его рук, как та змейка, оставляя ему, как свою сброшенную кожу, неудовлетворенное желание. И флирт, и съемки продолжались, переплетаясь, спутываясь новыми узлами, все сильнее увлекая и затягивая их обоих в неизвестное.

Сначала он снимал ее в Seagate, на безлюдном вечернем пляже. Вот Стелла на мелководье, в бикини, плещется, как русалка, — обычная рекламная заставка TV, приглашение подписываться на порноканал. А вот она на спасательной вышке: в оранжевом жилете, топлес, со свистком и в шляпе — ну, это на обложку журнала «Максим» или «Спорт Иллюстратор».

А вот кое-то поинтересней: Бруклинский ботанический сад, цветение роз и орхидей. Стелла в светлом сарафане. Пунцовые и черные розы свисают с арочных декоративных входов, как в сказочном замке. Стреляют струйки фонтанов, и Стелла цветочной феей летит по анфиладе роз.

Внимание: на экране появляются звери — дикие кошки, медведи-гризли, тигры Бронкского зоопарка! Стелла дразнит обезьян в открытом питомнике; подняв вверх руки, рычит на тигра, вынырнувшего из густого кустарника и одним прыжком очутившегося у заградительного стекла.

Вот они оба, Стелла и Осип, входят в подъехавшую кабинку передвижной канатной дороги зоопарка. Плавно покачиваясь, кабинка плывет над землей, поднимаясь все выше. Внизу широкие дороги сужаются, превращаясь в тонкие жилки в этом бушующем море зелени.

— Смотри! Смотри!

В кустарнике прячется тигр, а во-он — озера со стаями уток. Осип держит камеру, стараясь не терять ракурс и держать Стеллу в объективе, что непросто — кабинка раскачивается от ветра и от толчков Стеллиных ног.

Ее охватывает детский восторг! Так хорошо ей уже давно не было, даже от кокаина.

— Смотри! О-бал-деть! Да смотри же ты, чурбан! — указывает она рукой куда-то и открывает дверцу кабины. Высовывает голову из кабинки, прикладывает ладонь к раскрытому рту и орет, как дикарка. — Ва-а-а!

Осип направляет объектив вниз, где в густой высокой траве бегут орангутанги. Мелькают их волосатые темные спины, лапы, мохнатые головы.

—Ва-а-а! — Стелла не унимается. Она стоит к нему спиной, выгнувшись; из кармана шорт-хаки выглядывает пачка сигарет.

Осип опускает камеру. Смотрит на свои руки, которые... покрываются шерстью, а ногти превращаются в крупные, загнутые концами внутрь когти! Он прыгает в траву и, отталкиваясь от земли мощными лапами, бежит за ней вместе с другими самцами.

Впереди — несколько самок, но он выбрал ее, ее одну. В траве мелькает ее розовый крепкий зад, обрамленный шерстью. Она озирается и продолжает бег. Она слышит, как сзади, уже совсем близко, под тяжестью его тела и ударов его лап хрустят поломанные ветки. Она слышит его частое горячее дыхание. Всё, она сдаётся — делает несколько прыжков в сторону, туда, где мягче трава...

— Ты что, совсем спятил?! — Стелла отталкивает Осипа, поправляет на себе шорты, которые он сейчас пытался расстегнуть. — Здесь этим заниматься нельзя. Здесь же вокруг звери!

— Ты права. Вокруг звери, включая нас с тобой, — соглашается он, накрывая объектив крышечкой.

И оба смеются.

Глава 8

— Ну и дела! — Уолтер, переводя дух, принял любимую позу — с ногами на столе.

Бросил озабоченный взгляд на свои туфли. Да, дела неважные: кожаный кант стерт, носок смят, форма, придающая мужской обуви определенную молодцеватость, утрачена. А изношенные туфли у оптимиста Уолтера всегда вызывали нехорошие эмоции, в изношенных туфлях сквозила осенняя безнадега. Словом, пора покупать новые.

Он приспустил узел галстука и освободил от верхней пуговички рубашки плотную шею.

В зале было свежо, кондиционеры нагоняли холодный воздух. Но жарко было на улице, где разогретый днем асфальт к ночи медленно остывал, отдавая весь свой жар воздуху.

И вот час назад по такому пеклу Уолтеру пришлось бежать, протискиваясь между лимузинов, полицейских машин и тысяч туристов.

А бежал Уолтер на свой пост, в Оперативный центр, мчался из квартиры своей подружки Лизы, потому что ему на мобильник позвонил коллега, великий русский режиссер Джозеф, и сообщил, что в гостиничном баре, в знаменитой «Французской прачечной», началась драка: несколько пьяных мужиков сцепились из-за какой-то женщины, бьют посуду и переворачивают столы. Осип вызвал полицию, копы придут с минуты на минуту, но все-таки лучше, чтобы Уолтер был на рабочем месте. Вырванный из постели Лизы, Уолтер живенько натянул штаны и рубашку, пристегнул ремень с кобурой и пистолетом, а пиджак надевал уже на бегу.

На месте происшествия делать Уолтеру было нечего, к его прибытию полицейские и переодетый агент из внутренней охраны вывели из бара нарушителей — троих пьяных

мужчин. Двое вели себя смирно и сразу были отпущены. Третий же оказался то ли более пьян, то ли более глуп, ругал копов на чем свет стоит, размахивал руками, желая продолжения банкета, и получил его, очутившись в полицейской машине на заднем сиденье и в наручниках.

Уолтер, подоспевший к финальной части, помог захлопнуть дверцу полицейской машины, где сидел буйан, и недолго поболтал с бывшими коллегами-копами о всякой всячине, не забыв, как положено, записать их имена и номерные знаки.

Вид он имел строгий и одновременно добродушный, радуясь тому, что в принципе ничего серьезного не случилось и его отсутствие на посту прошло незамеченным. Хотя немного досадовал, что его стащили с Лизы.

Поднявшись в Оперативный центр, он поблагодарил Осипа за сигнал, сел к столу и написал в журнале короткий рапорт о происшествии; где иному писателю понадобилось бы, наверное, десять долгих страниц, а по-чеховски лаконичному Уолтеру хватило трех строчек. Из-за чего, вернее, из-за кого случилась драка, было неизвестно: таинственную незнакомку вынес из «Французской прачечной» в неизвестном направлении мутный поток событий, поэтому в своем рапорте Уолтер обозначил ее как «якобы проститутка номер один».

Теперь, когда инцидент, можно сказать, был исчерпан, в «Мандарине» снова воцарились тишь да гладь и бар снова открыли для ночных посетителей, Уолтер смог расслабиться.

Следует заметить, что «Мандарин» охранялся двумя службами: официальной и тайной. В официальную входили дежурные операторы и безграмотные, ленивые охранники, призванные скорее создавать впечатление надежной охраны.

Разумеется, реальную безопасность сложного гостиничного механизма такая команда обеспечить не могла. Подлинную безопасность обеспечивала внутренняя

вооруженная служба, о которой мало кто знал. Она включала две дюжины бывших полицейских и военных: в обычных темных костюмах, плечистые и почти без шей, они появлялись в горячих точках отеля всегда неожиданно и всегда своевременно.

Только этим и ничем другим объяснялась беспечность Уолтера, постоянно курсирующего во время своих ночных дежурств от будуара своей герлфренд к пультам наблюдения и обратно. Уолтер знал, что в этой системе его роль — незначительная, почти бесполезная.

Третий час ночи, впереди еще почти шесть часов дежурства. Шесть долгих часов тупого смотрения на экраны.

— Мэн, у меня для тебя есть интересное предложение, — говорит Уолтер, вытирая шею влажной ароматизированной салфеткой.

Что ни говори, это маленькое ночное приключение вынудило Уолтера попотеть в буквальном смысле слова. Совершить двадцатиминутную пробежку по Манхэттену от будуара прекрасной Лизы до оцепленного полицией гостиничного бара! Потом еще корпеть над рапортом, что всегда давалось Уолтеру с невероятным трудом.

Он бросил скомканную салфетку в урну и, довольный попаданием, продолжал:

— Мой бывший шеф купил себе дом в Нью-Джерси. Роскошная вилла, с террасами, садом и бассейном. Обошлась ему в полтора миллиона, но он смог взять в банке кредит под хороший процент.

— А какое отношение имею я к вилле твоего бывшего босса? — Осип полез в карман брюк, достал оттуда крохотную пластиковую бутылочку с острым носиком.

Жжет глаза, жжет после долгого всматривания в экраны. Словно горячим песком посыпана рогица. И зрение, похоже, падает — постоянно приходится щурить то правый, то левый глаз. Запрокинув голову и подняв над ней руку с бутылочкой, Осип

оттянул веко и легонько сдавил пальцами пластик. Из носика упала в глаз спасительная капля.

— При чем здесь ты? Объясняю: шеф хочет, чтобы ты отснял и его виллу, и, разумеется, его самого. Бассейн, сад, рядом с виллой — поле для гольфа и озеро с лебедями. Он хорошо заплатит, — продолжал Уолтер, расстегивая кобуру слева на груди и вынимая пистолет. — А еще помимо денег ты заведешь очень полезное знакомство с шефом отдела нью-йоркской полиции по борьбе с особо опасными преступлениями. Такими знакомствами, приятель, не разбрасываются. Джозеф, не будь зазнайкой, ближе к реальности! — завершил Уолтер любимой фразой, выражавшей его жизненное кредо. Поднявшись, направился к сейфу.

Осип сидел, наклонив голову и зажмурив глаза, откуда выбегали и катились по щекам тонкие ручейки, он называл их «мои слезки». Слышал, как за спиной что-то брякнуло, затем глухо захлопнулась металлическая дверца оружейного сейфа.

— О'кей, я подумаю.

— Или ты ждешь предложения из Голливуда? Чудак, знаешь, сколько таких, как ты, мечтают о Голливуде? — продолжал Уолтер, который, следует заметить, не имел ни малейшего понятия о жизни артистов или режиссеров, разве что по обложкам желтых журналов. — Вот ты снял фильм, так? Получил бабки и позолоченную фигурку, так? И что дальше? Ну поставил фигурку на полку, ну показали тебя разок-другой по телевизору, ну в газете что-то там тиснули. И что дальше? — допытывался Уолтер, пытаясь приподнять этот чугунный для него занавес и проникнуть за кулисы искусства.

— Дальше — ничего, — Осип пожал плечами. На Уолтера он не сердился, понимая, что с некоторыми людьми разговоры об искусстве вести не имеет смысла.

А и впрямь, что изменилось в его жизни после успеха на фестивале? Кажется, все это было еще вчера: во время показа его картины он напряженно считал, сколько

зрителей покинуло зал. Ожидал-то, что выйдет почти ползала. Но вышли четыре зрителя! Потом он произнес со сцены короткую речь, ответил на какие-то вопросы зрителей. Когда в списке победителей назвали его имя, Осип почему-то даже не удивился. Лишь после вручения приза, когда возвращались в машине домой, он вдруг сбавил скорость и вытер слезы.

Телефон в те дни звонил, не умолкая, фейсбук и электронный почтовый ящик даже не хотелось открывать — столько там было поздравлений! Он почти что проснулся знаменитым. Но... где же выгодные предложения и контракты? Пару раз какие-то мелкие агентства предложили ему снять 15-минутные рекламные фильмы, толком не выделив ему на это ни средств, ни времени. Несмотря на ворох хвалебных рецензий, его фильм для проката пока никто не купил. Продюсеры ведут переговоры с дистрибьюторами об ограниченном прокате картины в США и Канаде. Заинтересовались в России. Пока всё. Короткий звон литавр перед гробовой тишиной.

Механизм киноиндустрии, как известно, весьма громоздкий и запутанный. Новичку Осипу было совершенно непонятно, какие колесики и шестеренки взаимодействуют, приводя этот механизм в движение. Но уже было очевидно: для того чтобы стать звездой, только успешного дебюта недостаточно.

Фильм «Призраки Бруклин Хайтс», во время съемок казавшийся Осипу шедевром, теперь как-то поблек, потерял свою призовую золотистость, уже зиял огрехами и виделся ему рядовым фильмом, который скоро забудут, если уже не забыли.

А ведь нужно теребить продюсеров, связываться с новыми агентствами, совать им всем под нос свою призовую статуэтку, унижаться, предлагать новый сценарий.

Да, кстати, немаловажный вопрос — о чем будет его новый фильм? Долгое время он вынашивал художественный замысел — снять картину о детях, больных раком на последней стадии. Когда-то, работая санитаром в хосписе, он познакомился с

некоторыми из них и их родителями. Эти дети еще не знали, что такое смерть, но как будто понимали, что из хосписа уже никогда не выйдут, поэтому как-то не по-детски ценили каждую минуту жизни...

Но сценарий до сих пор так и не написан, несколько раз он принимался за него, но в конце концов отложил в долгий ящик. Пока хочется снимать только Стеллу.

— Смотри, к старому хрычу из 218-го номера опять идут две шлюхи. Ну-ка увеличь, — распорядился Уолтер, указывая на один из экранов.

Щелчок — и две вытянутые фигуры девушек возникли в полный рост. Коротенькие платьица, туфли, по-видимому, на очень высоких каблуках, потому что походка у девушек шаткая.

— Знаешь, что в сумочках у этих красавиц? Думаешь, только презервативы и виагра? Нет, там самый чистый, самый свежий колумбийский кокаин. Наверное... — Уолтер сощурил один глаз, будто мысленно проникая в сумочки пришедших дам. — Грамм пять, не меньше. Интересно, сколько они сегодня вытрясут денег из этого старого пердуна?

Что ни говори, Уолтер — профи: сидит, болтает о всякой чепухе, а замечает каждую мелочь.

Уолтер еще что-то рассказывал, но Осип его не слушал. Он внимательно присмотрелся:

— Извини, мне нужно срочно, — промолвил Осип, поднявшись и направившись к выходу.

Чтобы сократить себе путь и не ждать лифт, он воспользовался дверью пожарного выхода. На лестничной клетке, на ступеньках, спал молодой негр в униформе охранника, прислонившись спиной к стене. Возле него на полу лежала раскрытая газета и окурки. Охранник открыл глаза, бормоча извинения, стал было подниматься — решил,

что перед ним новый начальник. Но этот странный господин с рацией в руке, ни слова не говоря, продолжил свой путь по лестнице вниз.

В длинном светлом платье, перекинув ногу на ногу, она сидела в широком кожаном кресле. Ее красивые руки свободно лежали на широких подлокотниках, выкрашенные бордовым ногти легонько по ним барабанили.

Увидев перед собой Осипа, она удивленно подняла брови, но в то же время, почему-то улыбнулась, глаза ее радостно сверкнули.

На ее лице лежал тонко, со вкусом подобранный макияж, волосы хорошо уложены. Словом, Стелла производила впечатление светской дамы, ожидавшей мужа-миллионера, который задерживается в гостиничном номере.

Осип стоял перед ней, сжимая рацию, не зная, что сказать.

— Как ты здесь очутилась? — спросил наконец.

— Как очутилась? Как все шлюхи сюда входят — дала швейцару двадцать баксов, — ответила она простодушно, поднимаясь с кресла.

Присмотрелась к нему, словно пытаясь разгадать ход его мыслей, понять, почему у него сейчас такое хмурое и злое лицо.

— Эй, выбрось из головы все, что ты сейчас обо мне думаешь. Я просто провела эксперимент, хотела убедиться, действительно ли ты можешь заметить меня в любой точке этой огромной гостиницы, — Стелла скорчила виноватую рожицу.

Неожиданно приблизилась к нему вплотную, обвила его шею руками и, привстав на цыпочки, поцеловала так, как не целовала до сих пор ни одного мужчину.

Как ни в чем ни бывало, будто после освежающей прогулки, Осип вернулся в Операционный центр. Лицо его сияло.

Уолтер уже спал. Он склонил голову с густыми черными, зачесанными назад волосами, упер подбородок в грудь. Профессионал Уолтер мог спать в любом месте, и никакой шум, будь то хоть пушечная канонада, не мог его разбудить. Он никогда не храпел, воздух тихо и мерно проходил через ноздри его утинового носа в мощные легкие. Губы были сомкнуты, ровные тонкие губы, которые во время бодрствования были очень подвижны, как, впрочем, и его темно-карие глаза, ни на миг не прекращавшие наблюдения за всем вокруг. Широкогрудый, дремлющий, со склоненной головой и вздымающимися плечами, Уолтер напоминал древних исполинов времен битв римлян с кельтскими племенами.

Сон его, правда, в ту летнюю ночь длился недолго. Разбуженный странной силой Уолтер раскрыл глаза и не сразу поверил, что проснулся. Будь он русским, ущипнул бы себя за ляжку, но он был из ирландцев, поэтому суеверно дернул себя за ухо.

— Как ее зовут?! Джозеф, как ее зовут?! О-о, мэ-эн!.. — застонал Уолтер. Расстегнул еще пару пуговиц рубашки и стал чесать грудь: — Джи-исус Крайст!..

На огромном, во всю стену экранном панно сменялись кадры с обворожительно красивой загорелой женщиной в красных кружевных трусиках и в таком же ярко-красном лифчике. Женщина валялась на широкой кровати, ползала змеей, становилась на колени и, хищно выпятив нижнюю челюсть, с кровавым ртом, ползла вперед; потом, обессиленная, падала на спину, томно вытягивая зовущие к себе руки...

— О-о, мэ-эн, это лучше любого порнофильма! Это даже лучше стриптиз-клуба! — Уолтер не скупился на похвалы. Бисером пота покрылся его лоб, шея тоже матово блестела. — Познакомь меня с ней!

Осип продолжал нажимать кнопки своего ноутбука, не открывая глаз от экранов. А на экране это таинственная брюнетка вдруг превращалась в красный цветок, в пион, который внезапно вспыхивал огнем. Пламя разгоралось, бушевало, и когда глазам уже

становилось больно, пламя гасло, и из легких струек дыма снова возникала полуголая Стелла...

— Нет, она не дешевая стриптизерша. Эта девочка — из дорогого эскорт-сервиса, пять тысяч баксов за ночь, не меньше, — высказал слово эксперта Уолтер, когда «фильм» закончился. Посмотрел на часы. — Вот и убили час времени. Спасибо Богу, послал мне такого напарника в смену. Русский режиссер! Русские — великая нация! А русские проститутки — те просто улет.

— Никогда больше не говори такое о ней, понял? — сказал ему Осип суровым голосом.

Уолтер ничего не ответил, лишь бросил на приятеля странный взгляд, круто изогнув бровь.

Глава 9

На следующий день Осип привез Стеллу к себе домой, в их квартиру в Бруклине. Они сидели в просторной гостиной, ели суши и пили саке. Стелла рассказывала о своем детстве и отрочестве, о том, что после школы поступила у себя в Кишиневе в Институт легкой промышленности, потому что — трусиха — в Театральный идти побоялась. Не доучившись, бросила институт, оставила родителей, мужа и дочку, и уехала в Штаты по гостевой визе.

— Дочку? Ты мне никогда не говорила, что у тебя есть дочка, — заметил Осип.

Стелла на миг смутилась, тень пробежала по ее лицу.

— Дашенька — свет моих очей. Она живет у моих родителей. Скоро ей десять лет. Хочу отправить им деньги, чтобы они ей в подарок купили самый современный лэптоп. Посмотри на это чудо, — она взяла со стола свой мобильник, и, быстро найдя

нужный файл, показала Осипу снимок темноволосой девчушки, в лице которой угадывались материнские черты.

Затем Стелла налила себе в рюмку sake и, выпив залпом, на мгновение нахмурила брови.

Осип догадался, что она не хочет говорить с ним о дочке, что это — «больная тема».

Всё sake было выпито, и Осип достал из бара бутылку вина. Уже было понятно, что на ночное дежурство он не выйдет. Он отправил боссу по мобильнику короткое сообщение, что плохо себя чувствует и эту смену пропустит.

Они пили вино. Стелла с упоением рассказывала о своей любви к танцам: когда-то в отрочестве, еще в Молдавии, она посещала танцевальную школу, знала много танцев, и современных, и народных, и эта страсть еще не угасла в ее сердце.

— Хочешь посмотреть? — неожиданно предложила она.

Она снова взяла мобильник и быстро нашла желаемый файл.

Забренчали гитары, зазвенели бубны.

— Оп-па!! А-аай-а... — Запела Стелла, поднявшись и выходя на середину комнаты.

Она потрянула головой и круто изогнула спину так, что ее волосы всколыхнулись, будто бы подхваченные порывом ветра.

— Оп-па!! А-аай-а...а! — Стелла сопровождала свою «цыганочку с выходом» мелодичными возгласами.

Ее гибкое тело плавно перемещалось, словно не касаясь пола. Она выставляла вперед налитую грудь и порой делала руками и бедрами такие движения, будто сейчас на ней не футболка и шорты, а длинное цыганское платье с широким подолом, который должен красиво взлетать, когда она кружится и поводит бедрами...

— Оп-па!! А-ай-а...а!

Затаив дыхание, Осип смотрел на ее танец. Сейчас он был уверен в том, что его встреча со Стеллой не случайна, и что так просто они уже не расстанутся.

— Bravo! — он захлопал в ладоши, когда танец закончился.

Стелла грациозно поклонилась, отвесив книксен. Затем сняла футболку, оставшись топлесс, и стала ею обмахиваться, бросая на Осипа зовущие взгляды:

— Фу-ух. Жарко.

Поставив бокал с недопитым вином на стол, Осип поднялся и пошел к ней. Он решил, что сейчас, наконец, она ему отдастся. При всей своей кажущейся доступности до сих пор Стелла отказывала ему в близости, будто бы желая раздражить, «разжечь» его еще больше.

Да, так суждено, думал он, именно сейчас и именно здесь — в его квартире, на кровати, которую он двенадцать лет делил с Тоней и больше никогда ни с кем.

Тони и Арсения в тот миг, разумеется, не существовало. Они были в Seagate. Но их фотографии висели на каждой стене.

Она нежно прижалась к нему, и он утонул в упоительном благоухании ее тела, разгоряченного танцем. Он потянул ее к кровати.

— А-а! — он неожиданно вскрикнул от боли.

Оттолкнув от себя Стеллу, поднес руку к правой щеке. Потом посмотрел на ладонь, отнятую от щеки, и увидел на ней капельки крови.

— Зачем ты это сделала? — спросил он, не понимая, зачем Стелла глубоко оцарапала ему лицо своим острым ногтем.

Она смотрела на него в упор, и ее глаза засверкали каким-то диким блеском:

— Мне почему-то захотелось почувствовать вкус твоей крови.

Улыбнувшись, не слова не говоря, она засунула себе в рот палец с ярко накрашенным ногтем, которым царапнула Осипа, а потом стала сладострастно облизывать его со всех сторон:

— Ты забыл, что в моих жилах течет цыганская кровь? Я ведь — ведьма, могу на тебя напустить свои ведьмовские чары. Будь осторожен.

— Ах, вот оно что? В таком случае, я не против. Давай, напускай.

— А ты потом не будешь об этом жалеть? — допытывалась она, сменив полушутливый тон на серьезный.

— Пока ты меня любишь, я ни о чем жалеть не буду, — ответил он тоже серьезным голосом.

Стелла долго молчала. Затем, не сводя с Осипа глаз, выползла из шорт, а потом сняла белые трусики. Подойдя к нему, обняла его шею, сцепив сзади пальцы и, подтянувшись, обхватила ногами его корпус выше пояса. Умостившись поудобней в этой позе, чувствуя под ягодицами его подставленные ладони, закрыла глаза:

— Окей, я твоя. Можешь делать со мной все, что пожелаешь.

Осип продолжал снимать Стеллу — в разных образах и разных местах. Иногда она просила его заехать за ней туда, где делала уборку, и он охотно подвозил ее домой, в Seagate.

Они проезжали через неблагополучный район, принадлежавших к тому типу районов, которые в Нью-Йорке презрительно называют «гетто». В этом гетто проживали в основном чернокожие и латиноамериканцы, из поколения в поколение получавшие государственные пособия. Случалось, Стелла просила Осипа остановить машину, если ей нужно было зайти в магазин или аптеку. По тому, как она здоровалась и отвечала на приветствия, было понятно, что в гетто у нее уже появились знакомые.

Однажды Стелла попросила Осипа остановиться у Собора Пресвятой Богородицы: ей захотелось туда зайти.

Собор был пуст. Осенив себя крестным знаменем, Стелла приблизилась к статуе Богородицы в правом притворе, зажгла свечку и, несколько раз перекрестившись, поцеловала стопы Богоматери. Затем опустилась на колени и стала молиться.

Осип сидел на скамейке сзади, он не видел ее лица. Но он был поражен необычайной силой, страстью, каким-то неистовством, исходившим от всей ее коленопреклоненной фигуры.

Неожиданно в тишину собора откуда-то с улицы врезались странные, похожие на пистолетные выстрелы, звуки. Стелла оглянулась и вопросительно посмотрела на Осипа. Он пожал плечами.

Они еще ненадолго задержались в соборе, Стелла подходила к другим статуям святых и разглядывала интерьер. Потом вышли на улицу, где раздавался вой сирен.

Неподалеку, на противоположной стороне дороги, стояло несколько машин: полицейские, пожарные, машина скорой помощи. Мигалки у всех были включены. Полицейские перекрыли вход в старый двухэтажный дом, возле которого толпились люди.

— Что там случилось? — спросил Осип мужчину средних лет, с толстым шрамом на лице. Судя по облику, он был одним из аборигенов этого «гетто» и все здесь хорошо знал.

— Там, в квартире на втором этаже, недавно поселился какой-то мужик со своей бабой. Вроде бы хорошая пара. Не знаю, какая моча ударила тому дураку в голову, но полчаса назад он застрелил и свою бабу, и себя. — Мужчина затаился, выпустил дым и глубокомысленно резюмировал. — Я тебе говорю, бро, этот еб...й мир сошел с ума.

Осип нахмурился. У него возникла странная мысль, вернее, предчувствие, что в этом убийстве, к которому он не имеет ни малейшего отношения, заложен для него какой-то зловещий знак.

Глава 10

Крабов хорошо ловить с раннего утра, когда они голодны, прожорливы, а потому чрезвычайно активны. Да вот беда: с утра — отлив, поэтому гряда камней, под которыми обычно шныряют черные и серые в крапинку крабы, вся оказывается на суше. Внизу эти валуны покрыты мелкими ракушками. Сейчас, подсохнув на солнце, они издают гнилостный запах.

Но постепенно, в силу сложного взаимодействия Солнца и Луны с океаном, Великий океан возвращает земле свои холодные воды. И вот уже волны, подбираясь все ближе, подрывают песчаные замки и башни, рушат крепостные валы. Предусмотрительные мамы оттаскивают подстилки подальше от подступающей воды; спасатели на вышках уже реже болтают между собой, чаще свистят и машут руками купальщикам, заплывающим слишком далеко.

А к темным валунам тянутся отважные ловцы крабов...

Арсюша, разумеется, среди них. С ними и Томас. Том учится с Арсюшей в одной школе, в параллельном классе, но живет он здесь, в Seagate. В школе они приятелями не были, но в Seagate сошлись поближе. Том может долго и быстро бегать, умеет нырять и прыгать с песчаного обрыва. И, надо сказать, Арсюша чувствует это превосходство Томаса, завидует ему и хочет быть таким же смелым и ловким. Единственное, что Арсения немного смущает, — вспышки злости и жестокость, с какой Том порой душил

мальков и отрывает крабам клешни. А если ему что-то не нравится, он может страшно рассердиться и полезть в драку.

«У Томаса нет отца, поэтому он такой неуправляемый, по сути несчастный ребенок», — эту фразу Арсений как-то услышал в разговоре родителей и потом над ней размышлял, пытаясь найти связь между «несчастливым ребенком» и «нет отца». Связи никакой, надо сказать, не обнаружил: у Томаса-несчастливого игрушек гораздо больше, чем у Арсюши, и мама ему разрешает очень многое. Интересно, подглядывает ли Томас за своей мамой, когда она принимает душ?

Иногда к их команде краболовов присоединяется Мойше — миссис Эстер и мистер Джеффри стали разрешать Мойше ходить на пляж с соседями. Мойше даже у воды не снимает ермолку, еще и одет в футболку и спортивные, до колен, рейтузы. Мама объяснила, что Бог так велит иудеям. Строгий, однако, Бог у Мойше, еще строже Бога в церкви.

Если уж речь о богах, то и Бог в церкви тоже не отличается мягкостью. Иначе почему Арсюша по воскресеньям должен там томиться все утро под заунывное пение совершенно непонятных слов: «отчинаш, всинебесих, вситя имя твое...»? Э-эх, просто беда с этими богами.

Еще Мойше — «несчастный», это тоже сказала о Мойше мама в разговоре с отцом. Правда, почему такие совершенно разные — Томас и Мойше, одинаково «несчастливые» — непонятно.

Мойше — пугливый, робкий. С обрыва прыгать не умеет, стоит внизу и смотрит, как Томас с Арсением и другими ребятами отважно прыгают и перекатываются по песку. Бегают Мойше медленно, хоть и старается, но никогда и близко не угонится за остальными. Нырять он вовсе не умеет, заходит в воду по колени и растерянно

озирается по сторонам, будто ждет чего-то — то ли аплодисментов, то ли насмешек. Что уж говорить о ловле крабов, где нужна сноровка и смелость?

...Ты идешь в прозрачной воде, едва-едва замутненной песком. Скользкие лентообразные водоросли цепляются за ноги. Сонмы застывших чаек и альбатросов напряженно следят за этими двуногими существами, часто восклицаящими: «Крэб! Крэб!»

Вот по дну, взрывая песок всеми шестью лапками, бежит серый краб. Он появляется неожиданно, из расселины между камнями, где долго прятался в темной прохладе. Краб бежит к водорослям, в бахроме которых обильная пожива планктона. «Крэб! Крэб!» — кричит Томас, стремительно сует руку в воду и выдергивает краба. Тот отчаянно шевелит в воздухе клешнями. Стайка перепуганных мальков шарахается в сторону, блеснув на солнце.

«Крэб! Крэб!» — Арсюша наклоняется к самой воде, вглядывается — что-то темное как будто шевелится у камня — то ли тень, то ли гнилая палка.

Напряженно глядят неподвижные чайки на этих двуногих существ, которые порою взбираются на камни, влезают в щели между валунами. Иногда двуногие существа подбираются так близко, что птицы, издав возмущенный крик, срываются с места и перелетают на другие камни.

«Крэб! Крэб!» — это Мойше, он тоже цапнул одного маленького крабика и выбежал с ним на сушу. Набрал в половинку большой ракушки воды и выпустил крабика туда.

У Мойше нет переносного пластикового аквариума на веревочке, как у Томаса, Арсения и других ребят. У него нет ни летающих змеев, раскрашенных под Спайдерменов, ни надувных акул. Но сейчас он безумно счастлив — он сам поймал

замечательного краба с подвижными клешнями и длинными усами, смотрите, как шустро он бежит по дну ракушки.

Мойше, конечно, скоро его выпустит обратно в океан, ведь там, под камнями, крабика ждут мама, папа, сестра Пэм и любимая собака Джилл. Разве можно человеку, если он даже и краб, жить в чужом месте, с чужими людьми?

В Денвере они несколько раз всей семьей ездили в Скалистые горы на отдых в кемпинг, купались в горной речушке. Крабов там не было. Мойше поправляет на голове ермолку, приколотую к волосам. Надо сказать, ермолка чертовски ему надоела, но дядя Джеффри и мама запрещают ее снимать под страхом Божьего наказания. Живя в Денвере, он ходил без шапки и в холода, и никому, даже Богу, не было до этого дела.

Мокрая одежда Мойше с прилипшим к ней песком стала тяжелой. С кончиков пейсов капает вода. «Крэб! Крэб!» — доносятся до Мойше крики. Он собрался было выпустить краба, но вдруг словно очнулся — что же тогда он покажет ребятам? Они ведь тогда снова будут его дразнить, мол, такой дурачок, не смог поймать ни одного краба!

И вот, в финальной сцене, — настоящая оргия. Ноги и руки краболовов расцарапаны, покрыты красными пятнами от случайных ударов о камни, от неудачных сползаний с валунов, от колючих водорослей. Губы — синие. В глазах — только перебегающие по дну тени. В ушах — «Крэб! Крэб!»

В пластиковых аквариумах, вползая друг на дружку, пытаются выбраться на волю и избежать жестокой участи пойманные крабы. Но от судеб спасенья нет!

Сорвавшись с валунов, чайки устремляются к берегу. Те птицы-одиночки, что носились в океане над водой в поисках рыбы, меняют курс и несутся к своим собратьям на берегу. Пожива! Крэб! Сейчас эти странные двуногие существа будут их кормить, швыряя крабов в воздух. Сейчас понадобятся моментальная реакция, сила крыльев для

отталкивания противника, удар клюва, рывок и всепоглощающая любовь к этому изумительно белому, нежному мясу, спрятанному под панцирем.

И вот, крутясь, в воздух полетели первые крабы. Захрустели панцири под ударами твердых клювов чаек. «Кр-рэб! Кр-рэб!» — кричат ненасытные птицы, готовые заклевать любого, кто попытается помешать их трапезе. На песке, как на поле сражения, валяются оторванные клешни и расколотые панцири. Кр-рэб! Кр-рэб!..

Вечером Арсюша лежал в кровати. Монотонно гудели в окне лопасти вентилятора. У Арсюши перед глазами по-прежнему перебегали тени под водой, мелькали клешни, и от ударов клювов разлетались расколотые крабьи панцири.

Он ждал, когда придет отец и расскажет ему окончание истории про пиратов. Чтобы не уснуть и дожидаться Осипа, Арсюша вертел в руках пластиковые фигурки пиратов. Он бы не против поиграть сейчас в телефоне, но мама ввела строгое правило – забирает телефон перед тем, как он идет спать.

Все чаще Арсюша думает о том, что отец проводит с ним гораздо меньше времени, чем прежде. Арсюша знает, кто этому виной. Он не раз видел отца с одной тетей на пляже. Когда папа с ней, он больше никого вокруг не видит и не слышит, кроме нее. О, как Арсюша ненавидит эту тетку! Из-за нее папа не уделяет ему внимания: больше не плавает с ним в океане и не рассказывает ему истории. Если бы Арсюша мог, он бы эту противную большеротую тетку отдал на съедение чайкам. Он представил, как берет ее за руку, словно краба за клешню, и швыряет ее в воздух. И она летит, переворачиваясь в воздухе, кривя противные губы.

А еще его у Арсюши возникло горькое ощущение, что он – как и Томас, как и Мойше, — тоже «несчастный ребенок»...

Глава 11

Машинально приложив средний и указательный пальцы сначала к мезузе на дверном косяке, затем к губам, Джеффри отворил дверь и спустился по лестнице в полуподвальное помещение иешивы, где находилась кухня. Сверху сюда едва долетали звуки из столовой, где студенты заканчивали ужин.

Кухня, надо сказать, вид имела весьма затрапезный, как, впрочем, и вся иешива. Обстановка здесь дышала изношенностью: столы были неустойчивые, шаткие, складные стулья гремели разболтанными перекладинами, двери сильно скрипели.

Что поделывать, студенты хоть и должны вносить плату за учебу, но исправно делают это немногие: одни платят с большим опозданием, другие просто заявляют, что денег у них нет. Таких, безденежных, здесь все равно держат. Нельзя же еврею отказать в изучении Торы и Талмуда, дать ему от ворот поворот. Нельзя.

Так оно и тянется из года в год: здание ветшает, трубы ржавеют, двери скрипят все громче. Еврейская община Seagate выделяет иешиве денег ровно столько, чтобы хватило на оплату счетов за коммунальные услуги, на самую невзыскательную еду и срочные ремонты, когда скупиться и тянуть дальше уже нельзя, иначе рухнет крыша или взорвется бойлер.

Но для Джеффри эта иешива — земля спасения. Сердобольные раввины, дабы возвратить в Дом Яхве еще одну заблудшую еврейскую душу, дали Джеффу здесь работу повара. Так что, слава Богу! Барух Ашем!

Толстые фолианты Торы и Талмуда в кожаных переплетах сверкают позолотой ивритских букв, в каждой из которых всемогущий Господь явил великое учение о Своей любви к евреям. Золотятся витиеватые буквы, на фоне нищеты и затхлости словно желая напомнить о бренности и ничтожности всего земного и о величии всемогущего Творца...

На Джеффе — когда-то белая, а нынче посеревшая рубашка с закатанными по локоть рукавами, мятые черные штаны, стоптанные туфли. Пегая, с рыжеватым оттенком борода топорщится. Надо заметить, он сам не ожидал такого — пегого, да еще и с рыжиной — цвета своей бороды.

Как было сказано ранее, образ Джеффри, на первый взгляд — обычного хасида, при более внимательном наблюдении многогранен. Джеффри вроде бы и похож на религиозного еврея, который только и знает, что корпеть над многомудрыми книгами, и не интересуется ничем происходящим в этом грешном мире. Но в то же время в Джеффе проглядывает и весьма энергичный мужчина, даже пижон и артист, у которого за чем-то выросла такая борода и случайным образом появилась эта скучная хасидская одежда.

Какой из них настоящий, истинный? Прячется ли пижон под маской ревнителя ортодоксального иудаизма (а тогда Джеффри можно уличить в фарисействе), или же глубоко набожный еврей скрывается под личиной артиста? Как знать?! И даже прошлое Джеффа, когда он, потеряв все, наркоманил и скитался, даже знание о таком его нехорошем прошлом не дает полного ответа. Кто может измерить всю глубину сердца человеческого? Кто знает меру страданий, очищающих душу? Только великий Господь Бог!..

Такие вот философские мысли о жизни и смерти порой посещают Джеффа, когда он в своих кухонных владениях занимается стряпней.

В кухне все ветхо и запущено: в окошках крутятся лопасти вентиляторов, пыль с которых не снималась, наверное, лет десять, на старых плитах пригар толщиной в палец, в темной кладовке штабеля консервных банок вареной кукурузы и фасоли. Словом, обстановка не ресторанная.

Да и сам Джефф никак не похож на рекламных поваров в белоснежных колпаках и с ямочками на румяных щеках. Но его движения точны и пластичны. Это заметно, когда

он, скажем, возле раковины счищает пригар с кастрюли или соскребает со сковородки: вж-жик, вж-жик! При этом иногда мурлычет в бороду песенки в стиле кантри или фолк. Когда Джефф в духе — если день прошел легко или вечером его ждет что-то приятное, — под песню Боба Дилана даже может пуститься в пляс, с учетом, разумеется, занятости рук ножом или мочалкой.

Все вроде бы хорошо, но... В последнее время что-то изменилось в повара иешивы. Почему-то все реже он поет и настроен отнюдь не философски. Напротив, часто хмур и чрезвычайно раздражителен.

Голоса сверху смолкли. Студенты, прочитав последнюю молитву, перед уходом сложили на столах полосатые талесы, рассовали по шкафам книги и, шаркая по полу ботинками, покинули здание. Следом за ними ушли и два учителя: один согбенный, старый, с тонким голоском и обмякшим лицом; другой — молодой, недавно вернувшийся из Израиля, где набирался знаний по хасидизму и утверждался в надежде на скорый приход Мошиаха.

Ни души в иешиве. Тихо.

Джеффри, не только отвечающий за питание студентов, но и по совместительству выполняющий некоторые обязанности завхоза, прошелся по пустым коридорам, прикрывая двери классов. Подобрал талесы, небрежно брошенные на стулья и съехавшие на пол. Все чаще он поглядывал на часы, словно спешил куда-то или кого-то ждал. Хотя порядок, в общем-то, был наведен и можно было спокойно отправляться домой. Но Джеффри не уходил.

Возле книжного шкафа что-то заставило его остановиться. Нет, не книги привлекли внимание повара иешивы, не буквы древнего иврита. И вовсе не собирался

он сейчас читать комментарии к Торе, хоть, может, там и таятся ответы относительно будущего Джеффа. Не книги заставили его застыть у того шкафа, не книги.

Замерев, смотрел он на свое отражение в стекле дверцы. Косые лучи закатного солнца падали в окна, и, непонятным образом преломляясь, делали отражение Джеффа объемным, как на голограмме. Джефф, как бы став призраком, уходил внутрь, куда-то в четвертое измерение, между стеклом и книгами, и сквозь этот призрак в ермолке и со всклокоченной бородой просвечивали золотистые древние буквы. Но стоило чуть-чуть изменить угол зрения, как отражение пропадало и на стекле был виден лишь слой пыли. Холодок пробежал по спине у Джеффа. Жуть какая-то! Настоящий дух с того света! Зачем он сюда явился?..

Словно очнувшись, Джефф посмотрел на часы и полез в карман за мобильником. Пальцы в поисках нужного номера подрагивали. Нетерпение, даже злость почувствовал он. Вдруг — непонятно отчего — начал сильно дергать себя за бороду. Найдя наконец нужный номер, надавил кнопку. На звонок его, однако, никто не ответил.

— Дерь-мо! Fuck! — произнес он сипловатым голосом ругательства, вовсе не приличествующие месту для изучения иудаизма.

«Давай, Джефф, давай! Каждый день нарежай здесь хлеб, мой посуду, подметай полы. Почему я должен это делать, почему?! Когда-то в концертных залах мне аплодировали тысячи зрителей, подносили цветы. Джеффри Гордон — восходящая звезда с редким колоратурным сопрано, гордость семьи! И кто я теперь? Безголосый, всеми презираемый повар! Завхоз без настоящего и без будущего. Почему я должен унижаться перед ребе, притворяться, изображая из себя ревнивого хасида? Получать жалкие подачки от синагоги и за это быть благодарным Богу? Барух ашем? Fuck you!..»

Лицо его пошло пятнами. Он метался из комнаты в комнату, хлопая дверьми, обрушивая ругательства, обращенные неизвестно к кому. С прикуренной сигаретой

спустился по лестнице в туалет, но бросил сигарету в писсуар и так, с расстегнутой ширинкой, вышел, не отлив ни капли.

Он вдруг понял, как сильно ненавидит Эстер. Вот кто виновник всех его бед! Эстер — истеричная самка, жадная, хитрая. Опутала его цепями, ласками своих пухлых рук, своим звонким смехом, своими лживыми крокодиловыми слезами! Еще и повесила ему на шею, как ярмо, своего тупого сына. «Дебил!» — воскликнул Джеффри, ударя в дверь ногой, и непонятно к кому — к Мойше или самому себе — было обращено это оскорбление. Эстер все равно ему не доверяет. Сколько бы он ни делал для нее, она за ним следит, смотрит на его руки — нет ли следов от уколов, тайком шарит по его карманам! Окружила его шпионами, выпытывает у студентов, в котором часу он пришел в иешиву, где и с кем был во время ленча. Дура, набитая дура! Она думает, что может держать под ногтем его, самого Джеффри Гордона! «Эстер, никогда — слышишь? Никогда! — ты не узнаешь обо мне всей правды и не заставишь плясать под свою дудку. Ты для этого слишком глупа, потому что пьешь много пива. Ты же алкоголичка, такая же, как и твой бывший муж!»

— Алкоголичка! Сука! — низвергал Джеффри камнепады проклятий, поднимая поваленные им же самим стулья и разбросанные талесы. Часто вынимал из кармана мобильник и звонил по тому же номеру. Но на том конце загадочный некто упорно не откликался...

— Наконец-то! Заходи, — торопливо пробормотал он, когда Стелла коротко нажала кнопку звонка, и распахнул перед ней дверь,.

Впустив Стеллу, Джефф выглянул наружу и, убедившись, что все спокойно, запер вход в иешиву.

Они спустились по ступенькам в кухню, во владения повара, который, надо сказать, к тому времени вид имел неважный и был очень взволнован.

— Извини, хотела прийти пораньше, но пришлось задержаться по делу, — извинялась Стелла.

— Да-да, понимаю, проходи сюда.

Остановились в дальнем углу, где стояли два старых кресла, а над ними в окошке гудел кондиционер.

— Такой же, как в прошлый раз? — спросил Джефф с тревогой и надеждой в голосе.

— Точно такой же, не переживай.

— Давай, — сердце его росло в размерах, ширилось во впалой груди.

— Сейчас, минутку, ван момент, — Стелла аккуратненько воткнула ноготок в невидимую прорезь сарафана и, как фокусница, извлекла оттуда квадратный целлофановый пакетик с сероватым порошком.

Обмен произошел мгновенно. Только в замедленной съемке можно было бы увидеть, как пакетик с героином попадает в ладонь Джеффа, где миг назад лежала десятидолларовая купюра. Ну а затем... Тут уже все видно и без кинокамеры: Стелла прячет деньги, Джефф из ящика извлекает шприц и ватку для процеживания, из крана льется водичка. Под ложкой вспыхивает огонек зажигалки. Сероватый порошок растворяется, раствор заполняет шприц.

— Ты что, колешь в ногу? — спросила Стелла, видя, как Джефф, сидя в кресле, закатал штанину до колена и туго стянул шнурком голень.

— Да. После того раза Эстер проверяет мне руки, — он умолк, поскольку начиналась самая важная, самая волнующая часть этого священнодействия, значение и

важность которого может понять только тот, кто сам так сидел с теплым шприцем в руке, выскивая на своем теле вену.

А Стелла, отойдя, достала из кармашка сарафана другой пакетик, но с кокаином. Высыпала порошок на гладкую металлическую поверхность стола. Выровняла полоску и приблизила к ней нос с неестественно расширенной левой ноздрей, поскольку правая была зажата пальцем.

Тишина... Тишина падения, в котором нет ни жен, ни детей, ни денег, ни работы, нет ничего... Есть только благодатное тепло, разливающееся по всему телу, мгновение обещанных звезд, и любви, и вечности, влекущей тебя потом в пучину отчаяния и боли...

— Боже мой, я так устала от всего этого! — сказала Стелла, бросив взгляд опытной наркоманки на Джеффа, сидевшего в кресле с блаженно прикрытыми глазами.

Худое, угловатое его лицо разгладилось, пятна на щеках и на лбу сошли, даже борода — и та, казалось, стала ровнее. Джефф погружался в кайф, обретая сейчас полное примирение с собой и с действительностью. Он уже не помнил ни своих стенаний о загубленной жизни, ни брани, незаслуженно обращенной к Эстер и Мойше. Не помнил ни о своем треснувшем колоратурном сопрано, ни о ребенке, ни тем более о том, что завтра нужно прийти сюда пораньше — привезут бутылки с питьевой водой.

— Он меня просто извел, просто замучил, — продолжала Стелла жаловаться на Осипа, отлично зная, что Джефф ее не слушает. Ему сейчас хорошо. — Понимаешь, когда я с ним, я не могу быть собой, я вынуждена играть какую-то роль. Мне иногда кажется, что в наших отношениях ни он, ни я, уже не различаем, где кино, а где реальная жизнь.

Она вытащила сигарету и защелкала зажигалкой, но огонек не вспыхивал.

— Вот ч-черт, не зажигается, — она говорила то на русском, то на английском, вовсе не заботясь о том, на каком языке ей следует сейчас говорить.

Он понимал и так. Джефф был родной, знакомый, из падших, хоть он — еврей из Кентукки, а она — молдаванка с примесью цыганской крови из Бессарабии. Какая, впрочем, разница, кто откуда, из какого городишки — кентуккийского или бессарабского? Важно, с кем тебе хорошо.

Она видела зажигалку, оттягивающую карман рубашки Джеффа. Но не хотела обрывать ему кайф. Подошла к плите, повернула ручку, и после мелкого треска конфорка вспыхнула цветком. Таким голубым васильком. Или пионом, что когда-то росли во дворе возле их дома. Она так обожала эти цветы, что клала их мягкие пурпурные лепестки себе на язык.

Прикурив, вкусно затянулась, проглотила дым. Да, все люди разные: одному нужно уколоться и молча блаженствовать. А вот ей после кокаина нужно обязательно курить и говорить. Она расхаживала по кухне, зачем-то поднимала крышки кастрюль, переворачивала черпаки.

— Я ненавижу, ненавижу его и все его кино! Он хочет реально превратить меня в Кармен. Он, по-моему, забыл мое настоящее имя. Ты не представляешь себе, что он заставляет меня выделывать: ползать в воде между острых камней с каким-то дурацким мешком в руках! Драться ножами! — с этими словами она сняла висящий на крючке длинный кухонный нож и принялась махать им перед собой.

— Что ж ты хочешь, он же режиссер. А все режиссеры немного «ку-ку», — пошутил Джефф.

Стелла уже находилась в коридорчике возле туалета. На стене там висело большое зеркало. Перед зеркалом Стелла выгнула спину и слегка подала вперед плечо. Завела назад напряженные руки. Затем сделала несколько резких взмахов. Да-да, так, именно

так. Перед ее мысленным взором возникла сцена из «Эль Сиды», где Софи Лорен исполняет фламенко. Великолепная, незабываемая сцена...

Кокаин работал отменно: ничто не могло перебить необычайную легкость, охватившую все естество Стеллы.

— Та-та-ра-та..., — Стелла шла по центру зала, напевая мелодию, держа над головой дуршлаг, как шляпу. Вдруг покачнулась, в голове у нее что-то перемкнуло:

— А-а! — и полетела на пол. — Видишь, какие муки мне приходится терпеть, — пожаловалась она, вставая и поглаживая бедро. Сунула пальцы в прорезь скрытого карманчика сарафана и извлекла оттуда несколько целлофановых пакетиков с порошком, дабы убедиться, что они целы.

Джефф с жадностью взглянул на эти пакетики.

— Десять баксов за каждый, — промурлыкала Стелла, потрусив, как колокольцами, пакетиками над его головой...

— У меня никогда не было мужчин, вернее, я имела их столько, сколько зернышек в этих консервных банках с кукурузой. Но я не помню ни их лиц, ни имен. Я никого не любила, понимаешь, никого никогда не любила, даже своего бывшего мужа. Но этот черт хочет моей любви! — она вытерла слезинку. — Я мучаюсь ужасной бессонницей. Прихожу на уборку и запираюсь в ванной, якобы там что-то мою, а на самом деле сажусь на тазики с грязным бельем, чтобы хоть чуточку поспать.

Она плюхнулась в кресло, снова закурила.

— Будто я не знаю, чем все закончится. Он мной попользуется, а потом бросит. Что тогда у меня останется в жизни? У меня же больше ничего нет, кроме этих съежек. Что вообще у меня было хорошего в жизни? В семье меня никогда не любили. Для родителей я была как мусор, они были помешаны на моем младшем брате Ромке.

Джеффри как будто внимательно слушал, но часто закрывал глаза, и зажженная сигарета выпадала из его пальцев.

За окнами уже серело. А в кухне было по-прежнему светло от ламп.

— Зато ты с ним хорошо трахаешься, правда? А это немало, — снова пошутил Джефф.

Согнувшись, он поглаживал пальцем место от укола на ноге, где под волосками засохла струйка сбежавшей крови. Ему почему-то становилось жарко. Не так жарко, как должно быть от героина, а иначе, как-то нехорошо.

Ватки с кровью, шприц, ложка, покрытая нагаром, валялись на столе. Он подумал, что хорошо бы сейчас добавить обороты кондиционера, чтобы как-то сбить, приостановить льющийся в его грудь и голову жар.

— Да, мы с ним трахаемся. Но, веришь, мне легче трахнуться с кем угодно, за любые деньги, даже бесплатно, но только не с ним. Ведь я отлично знаю, что ничего у нас с ним не получится, это невозможно: кто я и кто он. А у него еще жена и ребенок, зачем разрушать семью?

Стелла бросила на Джеффа тревожный взгляд. Что-то ей не понравилось в бледности его лица и губ.

— С тобой все о'кей? — спросила она.

На столе возле шприца валялись все десять пустых целлофановых пакетиков от героина.

— Душновато. Подкрути кондиционер, — попросил он. Ноги его отяжелели, стали как из ваты.

Став на кресло, она повернула до отказа пластмассовую ручку старого кондиционера. Мотор рявкнул, и загудело сильнее. Стелла подставила руки под струи, выходящие сквозь пластмассовую решетку.

— Теперь лучше. Сейчас остынешь, — она спустилась вниз и, подойдя к столу, стала собирать «аксессуары». — Где здесь выбрасывают мусор?

— Там, — Джеффри даже пальцем не двинул.

В большой черный бак она выкинула окурки, а с пустыми пакетиками и шприцем ушла в туалет, и через минуту оттуда послышался плеск сливаемой в унитаз воды.

— Вот и хорошо.

Кокаин прекрасно развязывает женский язык. Особенно после длительного перерыва, а Стелла не употребляла наркотики с тех пор, как ушла из секс-бизнеса. Ей хотелось продолжить жаловаться на жизнь из-за жестокой необходимости расстаться с Осипом и своей неспособности это сделать.

— Я никогда не смогу... — начала было она, отряхивая на ходу руки. — Эй, что с тобой? — подбежав, присела на корточки возле Джеффа, сползшего с кресла на пол.

— Эй! Эй! — она хлопала его по щекам — сильно, наотмашь.

Голова Джеффри дергалась то в одну, то в другую сторону. Он вроде бы чуть шевельнул губами и попытался приоткрыть глаза.

— Эй, очнись! Wake up! — повторяла она то на русском, то на английском, не переставая хлестать его по щекам.

Сильно потянула за рубашку, оторвав несколько пуговиц. Стала давить руками его волосатую тощую грудь:

— Эй! Эй!..

Ровно через двадцать пять минут, после того как Стелла, вытащив у него из кармана мобильник, нашла номер Эстер и, прикрыв микрофон ладонью, сказала не своим, грубым голосом: «Он в иешиве, быстрее сюда» и исчезла, так вот, точно так же над Джеффом теперь сидела Эстер и с истеричными криками била мужа по остывающим щекам и уже почти бездыханной груди.

С грохотом по лестнице в кухню иешивы спустились два полицейских Seagate. Они прижимали руки к пистолетам в расстегнутых кобурах и несли баллончики с кислородом.

Героин, как известно, замедляет циркуляцию крови и приостанавливает работу легких; легкие перестают наполняться воздухом и не обогащают кровь кислородом, а при героиновом «переборе» постепенно сжимаются и в конечной фазе сжимаются и схлопываются, как два резиновых мешочка. И тогда наступает смерть.

Все эти фазы оттока крови и прекращения работы легких и сердца можно было наблюдать, глядя, как умирает Джефф. Правда, полиция подросла уже к последней фазе, когда его лицо стало совершенно гипсовым, а губы — серыми. Несколько часов назад в ожидании героина напоминавший разъяренного льва, он теперь безжизненным червяком лежал на полу, у ножки кресла.

Копы надели ему на лицо кислородную маску, соединенную с баллончиком. Один коп сообщил в запищавшую рацию:

— Иешива в Seagate. Похоже на героиновый передоз. Срочно машину!

Эстер в ужасе кусала кулачки, едва ли не засовывая их себе в рот.

Джеффри не шевелился. Глаза его оставались закрытыми, рубаха разорвана, штаны с одной закатанной штаниной наполовину сползли.

— F-fuck!.. Он умирает, — сказал коп, безуспешно пытаясь нащупать пульс на руке Джеффа. — Поймал парень свой кайф...

В кухне иешивы уже находились несколько бородатых хасидов в черных лапсердаках и в шляпах. Они бросали беспокойные, недовольные взгляды то на Эстер, то на копов, пытающихся спасти этого непутевого еврея...

Глава 12

«Вчера меня допрашивали полицейские. Продержали у себя в отделении целый день. Меня подозревают в том, что я виновна в смерти Джеффа. У меня взяли отпечатки пальцев и подписку о невыезде из Нью-Йорка. Правда, обвинение мне еще не вынесли, но ждать этого недолго».

Стелла отхлебнула пиво из литровой бутылки. Она сидела на совершенно пустом пляже, подобрав под себя ноги, из-под ее длинной юбки выглядывали босые ступни. Малиновая футболка издали выделялась на фоне бурого песка.

Весь день с утра моросил дождь, лишь ненадолго переставая. Временами небо чуточку прояснялось, сквозь тучи проглядывали узкие косые солнечные лучи. Но вскоре небо снова затягивалось серой паутиной, налетал сильный шквалистый ветер, трепал на обрывах кусты. И снова шел дождь.

На пляже в такую погоду, разумеется, делать совершенно нечего. Единственными живыми существами, кто мог видеть эту женщину на берегу, были чайки. Вжавшись в песок, птицы сидели поодаль, некоторые из них изредка срывались с мест и летели к воде искать рыбу.

Свинцовая океанская даль сливалась с убийственно унылым небом. Вдали едва был виден белый катер с заядлыми рыбаками. «Дин-н... Дин-н...» — доносилось с океана, где на волнах в тумане раскачивался ржавый маяк. «Дин-н... Дин-н...»

«Нет, я не хочу слышать этот проклятый звук. Он мне все кишки выворачивает. Напоминает начало оперы, балета, фильма «Кармен», а я ее теперь ненавижу. Потому что я сама — Кармен... Цыганка! В нашем городке когда-то жили родственники моего отца, но я их не застала. Они были цыганами. Еще в конце восьмидесятых они свалили в Румынию, оставив свой большой дом и все хозяйство. И я тоже, как они, уехала: сперва в Кишинев — учиться, а оттуда в Нью-Йорк, по гостевой визе. Бросила ненавистный

Институт легкой промышленности, бросила нелюбимого мужа, оставила ребенка. И пошла работать в стриптиз-клуб на Бродвее. Потому что я — Кармен, я свободна, как птица. Я свободнее этих чаек».

Снова заморосил дождь. Ее загорелые руки стали покрываться мелкими каплями. Она зябко передернула плечами. «Так сыро, холодно и ветрено, что можно заболеть. Завтра проснусь с температурой. Ну и черт с ним!» Она подняла бутылку и сделала несколько больших глотков.

Поднявшись с подстилки, направилась к смотровой вышке спасателей. Ловко, в два приема, взобралась по деревянным перекладинам на небольшую площадку. Стала махать кому-то на корабле вдали.

— Эй! Эй! Сюда! Я зде-эсь... — шептала, вытирая слезы.

Ей вдруг пришло на ум, что хорошо бы взять напрокат джет-ски, вдрабадан напиться и в шторм на полном ходу, с бешеным ревом мотора врезаться в риф. Чтобы все разлетелось в щепки, в брызги, вдребезги!..

«Да, джет-ски и литр коньяка». Она словно увидела на экране этот кадр — захватывающую сцену самоубийства. «Совсем с ума сошла», — села на мокрую скамеечку спасателей, уперев локти в колени и уронив на руки подбородок.

«Вот и закончился наш фильм. Увы, закончился не хэппи эндом. И во всем виновата я, только я. Пусть бы Осип убил меня!»

Она вдруг увидела себя в воде, у самого берега: в длинном красном платье, с пучком жасмина в волосах и ножом в спине. Нет, лучше в груди. Волны колышут ее бездыханное тело, змеятся волосы, цвет красного платья смешивается с цветом крови из раны... Осип... Где Осип? Ах, вот он, молится на коленях у камней, кается, что совершил это убийство. Холодно, сыро, жуткая ночь. А там, с обрыва, уже прыгают полицейские с

пистолетами, спешат его арестовать, фары их машин ярким светом заливают пустой пляж...

Стелла усмехнулась. Порыв ветра налетел, но ее мокрые волосы отяжелели и не поддались. Все сильнее ее пробирала дрожь. Поежившись, подошла к краю вышки.

«Мама мне всегда говорила: “Ты — как кошка, которую, как ни швырни, все равно упадет на лапы, цела и невредима”. Да, я кошка, дикая кошка!»

— О-оп-ля! — оттолкнувшись от края, Стелла прыгнула вниз. Умышленно не удержав равновесие, упала на песок.

Лежала на мокром холодном песке, на боку, вытянув руки перед собой. Чесались руки, шея, песок попал даже ей в рот и поскрипывал на зубах. Стелла смотрела в непроглядную даль, которая мутилась от слез.

Слушала океанский рев, шум разбивающихся о берег волн, крики потревоженных чаек, «дин-н... дин-н...» ржавого маяка в тумане. И не видать ничего в той безучастной свинцовой дали — ни лодочки, ни паруса.

К подстилке подступили нахальные чайки, ходили кругами, не отваживаясь на нее вспрыгнуть.

Стелла этого не видела. Потому что сейчас видела... Джеффа, умирающего на полу иешивы от передоза. «Как нелепо все получилось! Из-за денег, которые мне были нужны для подарка дочке, я продала Джеффу слишком много героина. Но ты же знаешь, Джефф, я не хотела твоей смерти, так получилось. А ведь ты бы купил героин все равно, не у меня, так у кого-то другого, правда? Я буду молиться за тебя, Джефф! Но я не хочу из-за тебя идти в тюрьму! Ведь в тюрьме я погибну. А мне нужно жить. Мне есть ради кого жить».

— Кыш! Кыш! — махнула рукой, отогнав чаек, которые уже нагло ходили по подстилке и перевернули бутылку.

Вся измазанная, выпачканная песком и грязью, Стелла на четвереньках подползла к подстилке. Схватив бутылку, стала жадно пить. Пиво лилось изо рта, стекало ручейками на футболку.

— Все, все. Все.

Поднялась:

— Дашенька, доня моя, моя люба. Я обещаю тебе — я буду жить. Жить во что бы то ни стало. А они — пусть себе умирают от передоза, пусть сходят с ума. Мне дела нет. Наверное, тебе трудно там жить с бабушкой и дедушкой. Скоро я вышлю вам денег, очень много денег. Я знаю, как это сделать, я этим занималась не один год. Зато ты ни в чем не будешь нуждаться. А потом я вернусь к тебе. Ты будешь счастлива, я тебе это обещаю.

Вытерев слезы, она отряхнула подстилку, сложила ее в сумку. Взяла в руки шлепанцы.

— Отличная сцена! Bravo! Брависсимо! — раздался неподалеку за спиной знакомый мужской голос, и Стелла от неожиданности вздрогнула.

Они приближались к ее дому. Высокий, элегантно одетый мужчина нес раскрытый зонт. Стелла держала мужчину под руку.

— Роберт, это твоя новая машина? — спросила, указывая на серебристый «Ягуар», припаркованный возле ее дома.

— Да, недавно купил, — ответил он. — Не знаю, правда, долго ли буду на ней ездить. Ты же знаешь, мне машины быстро надоедают.

Вытянув вперед руку и убедившись, что дождь закончился, мужчина сложил зонт:

— Значит, сука, ты хочешь опять работать на меня?

— Да, я возвращаюсь.

— Окей. Я всегда знал, что ты умная девочка, которая очень любит деньги, за это я тебя ценил. Что ж, ты будешь получать самых богатых клиентов, таких же, с какими ты еб...сь, когда работала на меня. Поняла?

— Спасибо, Боб. Мне сейчас и вправду понадобится много денег. У меня сейчас серьезные неприятности. Через пару дней я отсюда уеду, куда-нибудь подальше, может, в Бронкс. Еще мне нужно будет сменить имя.

— Вот видишь, у тебя проблемы. А я тебе предупреждал, советовал не уходить из моего бизнеса, помнишь?

Стелла ничего не ответила. Она чувствовала, как ее накрывает тяжелая волна беспомощности и отчаянья.

Они уже стояли возле ее дома. Мужчина положил руку ей на плечо и улыбнулся.

— Знаешь, сука, а мой шланг иногда сильно скучал по твоей горячей пуси, — рывком он притянул ее к себе и насильно повел к ее дому. — Пошли потрахаемся.

Она вначале податливо пошла, но неожиданно вывернулась из его рук. Пристально взглянула мужчине в лицо. Подумала, что по этим мертвым глазам сутенера хорошо бы полоснуть бритвой. Или выцарапать их когтями. Но вместо этого, расхохотавшись, промолвила:

— Боб, скажу тебе правду. Моя горячая пуси тоже соскучилась по твоему шлангу.

В обнимку они вошли в дом, где жила Стелла. В комнате вспыхнул свет. Она подошла к окну и перед тем, как задернуть штору, бросила пронзительно-печальный взгляд в направлении дома, где жил Осип.

Глава 13

— Безобр-разие! Настоящее безобр-разие! — Осип ходил по комнате, сопя часто и глубоко. — Чер-рт знает что! — он метнул взгляд на Арсения, стоявшего в углу с виновато опущенной головой, и на Тоню, которая с растерянным видом сидела за столом и вертела в пальцах свою любимую «невскую сушку» с маком.

Засопев, он развернулся и широким шагом вышел из квартиры. Прошелся по зеленому дворику, где повсюду валялись Арсюшины игрушки. Нашел то, что хотел, — большой пластмассовый корабль. Подхватив с земли корабль, поднял его перед собой на вытянутой руке и сделал медленное движение, словно пустил корабль по воздуху вплавать.

Затем постучал в одну из наружных дверей.

— Кто там? — раздался голос Эстер.

— Это я. Осип. Сосед.

— Входи.

— Понимаешь, Эстер. Я очень извиняюсь... Я его наказал. Я до того растерян, что просто не знаю, как такое могло случиться, — мямлил он, стоя перед Эстер, как провинившийся школьник в кабинете директора.

Эстер сидела на канаве, в длинной черной юбке и черной блузке; черная шляпка на ее круглой голове полностью скрывала волосы.

На столе лежали коробки с выпечкой, стояли бутылки пепси-колы. И цветная фотография Джеффри в черной рамочке. В шляпе, сдвинутой на затылок, в рубашке с расстегнутым воротом, Джефф счастливо улыбался. Весь его образ светился свободой и беззаботностью.

Осип сделал этот снимок неделю назад, когда они с Джеффом сидели во дворику, пили водку и болтали о всяком разном. В какой-то момент, от нечего делать, Осип

направил на него объектив фотоаппарата. Как оказалось, это был последний снимок Джеффри при жизни — на редкость удачный, словно Джефф решил остаться в памяти людей, его знавших, именно таким — счастливым и элегантным, влюбленным в этот мир...

— Да, я все понимаю, — отвечала Эстер, шмыгнув носом. — Извини, Джозеф, но ведь ты еврей. Как же ты мог так воспитать своего сына?...

Осип молчал.

Из другой комнаты вышел Мойше. На нем была белая, в этот раз совершенно чистая рубашечка и новые штанишки. За лето и без того темный Мойше вовсе почернел, обуглился на солнце — настоящий правнук индейца. Но с пейсами. Завидев Осипа, он недоуменно раскрыл рот и часто заморгал.

— Иди сюда, мой родной, — Эстер поправила на голове подошедшего Мойше ермолку и, видя, что сын не хочет уходить, посадила его на свои толстые колени. — Все будет нормально, мой хороший, не переживай. Мы останемся в Seagate. Ребе поговорил с хозяином дома, мы можем не платить за квартиру целых три месяца, пока я не начну работать. Или ты хочешь вернуться в Денвер? Скучаешь по сестре? Я тоже скучаю по Пэм. Но она сюда к нам ехать не хочет. А у твоего папочки там новая герлфренд.

Она гладила сына, а Мойше заворуженно смотрел на Осипа, вернее, на чудный корабль в его руках. Черный флаг с черепом и костями, пушки в амбразурах, пираты в трюме.

— Родители Джеффа, эти сраные профессора, так и не приехали из своего Кентукки на похороны, — сказала Эстер.

Она уже не выглядела убитой горем, как несколько дней назад. Первые дни траура — шивы — миновали, унося шок от внезапной смерти мужа. Теперь Эстер даже иногда

улыбалась, хотя еще легко пускала слезу. Она была не удручена, а скорее растеряна, не знала, как приспособиться к новой ситуации, к своему положению вдовы.

— Да, печально... Так доподлинно и неизвестно, отчего он умер? — спросил Осип, присаживаясь на стул, и тут же мысленно укорил себя за этот, по сути, глупый вопрос.

О причине смерти Джеффри в Seagate было известно всем, кого это интересовало. Но, дабы не бросать тень на умершего и не позориться самой, Эстер говорила всем о якобы обширном инфаркте. И эта ложь привносила в траур оттенок фарса. Как, впрочем, не вязалось и слово «смерть» и черная рамочка с фотографией влюбленного в жизнь симпатяги Джеффа.

— Обычный наркотический передоз, — сказала она без обиняков. Видимо, ложь ее самое уже тяготила. — Сегодня получила бумагу с результатами экспертизы. У него, кроме героина, в крови обнаружили и барбитураты, и еще какую-то дрянь, не помню названия, — она кивнула в сторону трюмо с завешенным простыней зеркалом, где лежали распечатанные конверты. — Я, конечно, догадываюсь, кто ему помог уйти на тот свет, — Эстер в упор посмотрела на Осипа. — Я проверила его мобильник, кому он звонил в тот день. Знаешь, кому он сделал свои последние звонки?

— Кому?

— Зачем ты притворяешься, будто не знаешь? Он, правда, изменил ее имя, в мобильнике она названа Friend. Хороший друг, преданный! Я знаю, что они до этого виделись несколько раз, и после каждой встречи он приходил домой под кайфом. А накануне его смерти у меня из кошелька пропало пятьдесят долларов. Ах, я же видела, что с ним в последнее время творится что-то неладное. Видела и не уберегла! — она вытерла набежавшие слезы, но быстро овладела собой. — Теперь телефон «друга» отключен. Я заходила к ней несколько раз домой, хотела плюнуть в ее бесстыжие глаза, но она не открыла дверь. Шлюха! Сколько из-за нее бед! — метнув злой взгляд на

Осипа, Эстер покрепче прижала Мойше к себе. — Но в этот раз ей просто так все с рук не сойдет. Копы хотели закрыть дело — кто же будет долго разбираться в смерти обычного наркомана? Но я потребовала расследования, рассказала копам все, что знала про их связь. Они ее уже допрашивали. О, как я мечтаю о том, чтобы ее посадили. Я буду молить Бога о том, чтобы она попала в тюрьму и никогда оттуда не вышла.

Возникла недолгая пауза. Осип перевел взгляд на Мойше.

— Я поговорил с Арсением и наказал его. Он больше не будет тебя бить и обзывать не будет, — пообещал он Мойше. — А чтобы ты больше никогда не плакал, вот тебе корабль, — присев на корточки, Осип протянул Мойше корабль. Заодно пригляделся, нет ли на лице ребенка синяков или свежих царапин. — Бери, он твой. Бери же!

Мальчик смотрел на него, не зная, как поступить.

Странная мысль неожиданно поразила Осипа: этот несчастный Мойше, грязнуля и недотепа, в глубине души почему-то ему очень близок и дорог.

Мойше тоже ощутил сейчас что-то необычное. По природе чрезвычайно чуткий, мальчик уловил какой-то сильный душевный порыв, охвативший мистера Джозефа, который сидел перед ним на корточках. Сделав короткий шажок, Мойше обнял Осипа за шею:

— Остайся у нас. Живи с нами.

Осип оставил корабль и подхватил Мойше под мышки:

— Ого, какой тяжелый.

Небо озарялось длинными зигзагообразными зарницами, прорезавшими тучи. Погромыхивал гром, приближаясь откуда-то издали, каждым новым раскатом обещая чудовищную грозу, со шквальным ветром, ливнем, поваленными деревьями. Гроза,

однако, все не начиналась, небо не проливалось ни слезинки, лишь давило всей тяжестью, спрессовывая еще сильнее влажный горячий воздух. Перепуганные грохотом, из-под колес стоящих машин выпрыгивали и прятались в новых местах бездомные кошки. На асфальтовых площадках перед входами в дома и на парковочных дорожках валялись освещенные фонарями мертвые цикады и пчелы. Порывы ветра раскачивали ветви деревьев с гулом и шелестом...

Если для Эстер и для Арсюши у Осипа еще находились слова понимания, то Тоня для него словно пропала. Он не видел и не слышал ее вовсе. Исчезла Тоня, хоть и сидела сейчас напротив него на стуле, с пилочкой для ногтей. Пилочка ей была нужна, чтобы скрыть волнение.

— Я понимаю, все это неприятно, некрасиво и стыдно. Но ты даже с ним не поговорил. Арсюша уверяет, что не бил Мойше и не называл его... жидом, — преодолев неловкость, Тоня заставила себя произнести мерзкое для нее слово. — Во всем виноват Томас, это он бил. Арсюша стоял рядом. Он даже пробовал их разнять... — сказала она, приврав, впрочем, последнее. — Я запретила ему дружить с Томасом.

— Да-да, Арсюша ни в чем не виноват. Он невинный ягненок, почти святой. Бросили Мойше на землю и били его ногами. И кричали: «Сумасшедший жидок!» Конечно, я сам виноват, что не занимаюсь Арсением. Не объяснил ему, что он еврей и если кого должны называть «сумасшедшим жидком», то в первую очередь, его самого.

— Да, я с тобой согласна, — произнесла Тоня, и пилочка в ее руке сделала резкое движение полукругом по ногтю.

Твердая, волевая, Тоня сейчас говорила с мольбой в голосе.

Осип в какой-то миг словно очнулся. Увидел наконец: перед ним сидит его жена, с которой они прожили двенадцать лет. В соседней комнате спит его сын. Да, случилась неприятность — сын с другом оскорбили и избili соседского мальчика. Случай пусть и

не заурядный, все же не трагедия. С ребенком нужно поговорить, объяснить ему, что драться нельзя, обижать слабых тоже стыдно. Ну и, разумеется, в доступных словах рассказать, кто такие евреи, христиане и прочие. Дабы вырос Арсюша хорошим мальчиком. Не жлобом. Не антисемитом. Не записным погромщиком.

Сверху, на втором этаже, жила шумная семья хасидов, все четыре поколения. Сейчас там пели веселые песни на идише и иврите, разливали вино, ели халу, танцевали. Поскольку был Шаббат, а в Шаббат — пусть даже и душно, и молнии сверкают, и гром гремит, и дохнет саранча, пусть хоть потоп! — еврей должен радоваться. Такова воля Всевышнего, Он хочет видеть Свой народ с пятницы на субботу веселым.

А в другой квартире в этом доме лежит в своей кровати Эстер и думает, как ей теперь жить.

То ли духота, то ли топанье над головой под раскаты грома, то ли вид осунувшейся и какой-то потерянной Тони злят Осипа; неведомая сила тащит его куда-то.

Раздетый по пояс, он стоит в центре комнаты, засунув руки в карманы шортов.

— Все думаю про Джеффа... — Осип заговорил вдруг тихо, устремив взгляд в потолок. — Самое ужасное заключается не в том, что я тогда не одолжил ему пятьдесят баксов. Это — ерунда, он все равно бы нашел деньги на наркотики и без меня. Но я всегда отказывался, когда он хотел надеть на меня тфилин. Сколько раз Джефф просил: «Идем, Жозеф, я надену на тебя тфилин. У меня ведь в этом мире ничего нет: сын не мой, жена была замужем за другим, специальности у меня никакой, родители от меня отказались. Но я хочу тебе сделать хоть что-то хорошее. Я вообще хочу сделать в этой жизни что-то полезное. Если я надену на тебя тфилин, ты соединишься с Богом. И это будет моя благодарность тебе». А я, дубина, отказывал. А-ах!.. Всею виной твое христианство! — Осип повысил голос. — Что толку, что ты таскаешь Арсения в церковь и учишь его молиться Христу? Твое христианство – сплошное лицемерие.

Тоня метнула на мужа гневный взгляд и, медленно поднявшись со стула, стала напротив него:

— Значит, ты один у нас святой, да? Знаешь что: хватит играть в кошки-мышки, давай поговорим начистоту, — ее лицо стало бледным, но голос твердым, холодным. — Ты задумывался хоть на минуту, почему Арсюша так себя ведет в последнее время, с тех пор, как мы приехали в этот проклятый Seagate? Почему он дерется и постоянно требует к себе внимание? Потому что ты – ты! — она едва не крикнула, но вспомнив, что в соседней комнате спит сын, понизила голос. — Связался с этой... Я тебе скажу больше: ты ведь никогда не любил Арсюшу. У тебя всегда находилось время и место в сердце для других детей: для тех, за которыми ты когда-то ухаживал в хосписе, для друзей Арсюши, даже для этого несчастного Мойше. Для всех, кроме родного сына.

— Я не люблю Арсения? Ты говоришь ерунду, полную ерунду.

— Нет, дорогой, я говорю правду, и ты сам об этом знаешь, — Тоня была непреклонна. Она даже была рада тому, что наконец может высказать мужу в лицо все наболевшее. — А про себя я вообще молчу. Я тебе уже не жена. Знаешь что: если я для тебя глупая религиозная ханжа, тогда уходи к ней, уходи сейчас же!

Ее голос вдруг дрогнул. Она почувствовала, что самообладание оставляет ее, и чтобы не показать это Осипу, она повернулась и села на прежнее место перед компьютером. Пошевелила мышку.

А он сел на кровать. Кусая губы, смотрел то на жену, то на закрытую дверь.

В их долгое молчание врывались сильные раскаты грома.

Наконец, поднявшись, ни слова не говоря, Осип надел футболку и пошел к двери.

Тоня не шевельнулась. По-прежнему сидела перед компьютером, по темному монитору которого бегала разноцветная змейка. Тоня чувствовала, что если сейчас шелохнется, то рассыплется на тысячу кусочков. Но, несмотря на все безумства,

которые творит Осип: на измену, на то, что они не живут больше как муж и жена, на то, что ей стыдно и больно, — несмотря на все это, он по-прежнему волнует ее. И она хочет быть с ним. И очень ей тяжело.

Тоня вспоминала...

Впервые встретив Осипа на даче у подруги, она сразу расторгла помолвку со своим женихом — преуспевающим адвокатом. Ее родители были от Осипа не в восторге, особенно мама. Но Тоня поступила наперекор всем. Ей казалось непонятым, просто непостижимым, как можно такого Осипа не любить? За все двенадцать лет замужества она ни разу не пожалела о своем выборе. Осип — такая же часть ее существа, как и Арсюша, они — ее мир, ее жизнь. Да, он долго и трудно искал себя. И сейчас, когда наконец все наладилось, когда он стал заниматься любимым делом — снимать кино, когда, казалось бы, самое время радоваться жизни, все летит вверх тормашками. Неужели это крах семьи, крах всех ее надежд?.. А что будет с Арсением? Как он воспримет семейный разрыв?

Тоня машинально отхлебывала остывший чай. Движения у нее были механическими, лицо в свете экрана — застывшим, без всякого выражения.

Она вдруг поняла, что должна его вернуть! Вернуть сейчас же! Надо побежать за ним, все ему простить. Согласиться на все, лишь бы семья сохранилась.

Она поднялась. Но вместо того, чтобы рвануться за Осипом, тихо отворила дверь и вошла в соседнюю комнату, где спал сын. Тихонько села на край его кровати.

Арсюша лежал, повернувшись лицом к стене, сбросив одеяло, прижав к себе плюшевого леопарда.

— Сыночек, ты почему не спишь? Уже поздно, — Тоня положила руку ему на плечо, погладила худую спинку.

— Мама, зачем ты обидела папу? Он из-за тебя теперь никогда не вернется, — произнес Арсюша, не повернувшись к ней.

А Осип шел по дороге к дому, который с недавних пор стал ему очень дорог. От порывов ураганного ветра раскачивались кроны деревьев и трещали прутья кустов. Пыхтели молнии в небе, громыхал гром.

Все на нем — и футболка и шорты — сразу промокло до нитки. Поначалу он старался не попадать в лужи на дороге, но вскоре понял, что это не имеет смысла и пошел напрямиком, не обращая внимания на то, что под ногами.

Он не обманывал себя, понимал, что его семья разваливается и разваливается по его вине.

Но последний разговор с Эстер возымел для него эффект разорвавшейся бомбы. «Стелла находится под следствием, ей грозит суд и тюрьма? Неужели все это правда? Где же она? Куда она пропала?» И сейчас это было важнее всего.

Еще один поворот, и вот перед ним — двухэтажный дом, где жила Стелла. На стене у крыльца был привычно зажжен фонарь, но шторы в ее квартире на первом этаже были плотно задернуты, и свет там не горел.

Осип поднялся на крыльцо. Перед тем, как постучать, приблизил лицо к двери — прислушался. Несмотря на шум ливня и раскаты грома, ему почудилось, что в ее квартире разговаривают. Даже показалось, что он слышит мужской голос.

Он постучал. Не дождавшись ответа, постучал еще раз. Потом несколько раз нажал кнопку звонка.

В комнате, за зашторенными окнами, вдруг вспыхнул свет.

— Кто там? — раздался настороженный голос Стеллы.

— Это я, Осип.

— Зачем ты пришел? Уже поздно. Уходи.

— Открой дверь. Нам надо поговорить.

— Завтра поговорим. Уходи.

Вдруг за дверью послышался незнакомый мужской голос:

— В чем дело? Кто это там?

После недолгого разговора мужчины со Стеллой, дверь, наконец, открылась. Перед Осипом стояла Стелла, в одних красных кружевных трусиках и, похоже, наспех натянутой футболке. За нею стоял высокий мужчина, в спортивных черных трусах.

— Что случилось, бро? — спросил мужчина, отеснив Стеллу и оказавшись перед Осипом. При этом он слегка приподнял подбородок и подал корпус вперед.

— Роберт, не надо, не начинай. Я сама с ним обо всем договорюсь, — попросила Стелла, перейдя на английский.

Но мужчина ее не слушал:

— Тебе сказали, бро, иди домой, уже поздно. Люди спят, им завтра на работу.

Но Осип словно не видел перед собой этого мужчину и не слышал его наглых слов. Он смотрел на Стеллу.

— Уходи, прошу тебя, — попросила она по-русски, виновато отводя глаза. — Уходи, пожалуйста.

Неожиданно раздался глухой хлопок пощечины, и голова Осипа сильно дернулась.

— Пошел вон, придурок! — отрезал мужчина, разминая пальцы своей правой руки после удара. Он хотел закрыть дверь.

Но сделать этого не успел, потому что Осип толкнул дверь ногой и ворвался в квартиру.

— Ах, ты fucking кретин! — мужчина ринулся на Осипа с кулаками.

Сцепившись, они толкали друг друга, пытаясь повалить, пока оба не упали на пол. Оба тяжело хрипели, то и дело издавая какие-то нечленораздельные звуки. Они били друг друга кулаками, при этом каждый старался первым подняться на ноги.

Наконец, Осипу удалось подмять мужчину под себя, и он очутился сверху. Футболка у него была разорвана, из разбитого носа лилась кровь. Он сдавил мужчине горло и, слегка приподняв его туловище, резко толкнул вниз, чтобы тот ударился головой об пол.

Стелла изо всех вцепилась в руку Осипа, завизжала.

В квартиру вошел разбуженный сосед с верхнего этажа. Он сзади обхватил Осипа за плечи, пытаясь разнять дерущихся.

— Fuck! Fuck! — Осип не разжимал пальцев на горле лежавшего под ним соперника и сильными резкими движениями вверх-вниз продолжал бить его головой об пол. Всю свою накипевшую злость он направил сейчас на этого, незнакомого ему мужчину по имени Роберт, будто бы тот был главным виновником всех его последних злоключений.

— Идиот! — заорала Стелла. – Ты же его сейчас задушишь!

В квартиру, разбуженный криками, вошел еще один сосед с верхнего этажа. Они, наконец, оттащили Осипа, как он ни пытался вырваться. Перед его глазами плыли мутные красные круги, лицо, руки, одежда были в крови.

Он видел, как Стелла, став перед лежавшим мужчиной на колени, легонько похлопала его по щекам:

— Роберт, Боб, Боб.

Мужчина на полу согнул ноги в коленях и застонал, из чего стало ясно, что он жив и, по крайней мере, в сознании.

А двое соседей-мужчин повели Осипа к выходу, крепко держа его под руки. Впрочем, он уже и не сопротивлялся.

— Уходи, парень. Иначе сейчас сюда приедут полицейские, а тебе не надо влезать в это дерьмо.

На следующий же день Тоня, без всяких объяснений, сложила самые необходимые вещи в сумки и вызвала такси. Она попросила Осипа, чтобы он нашел возможность доставить в их квартиру в Бруклине все, что здесь остается и что она сейчас забрать не может.

И, забрав убитого горем Арсюшу, уехала. Тем более, начало школьного года было на носу.

А Осип остался один в Seagate.

Разъехались, значит. Развалилась семья.

Глава 14

Через несколько дней, оправившись после всех этих событий, с синяками под глазами и распухшим носом, Осип пришел к Стелле, но дверь ему никто не открыл, — ее квартира на этот раз действительно была пуста. Он наведывался еще несколько раз, расспрашивал о ней у соседей и даже у хозяина дома — никто ничего не знал.

Ее мобильник был отключен, она исчезла из Фейсбука и Инстаграмма.

Знакомый фонарь над крыльцом горел круглые сутки только в первую неделю после ее исчезновения, но потом чья-то бережливая рука стала гасить его, и Осип, стоя перед ее закрытой дверью, с непонятным упорством снова нажимал кнопку выключателя, словно подавал сигнал мольбы: вернись, я жду...

Осип уже не снимал на камеру и не фотографировал. Не интересовало его ничто, кроме Стеллы.

А Стелла пряталась за каждым кустом, за каждым столбом, мелькала в машинах и метро. Она исчезла как будто специально для того, чтобы снова возникать в каждом уголке многомиллионного города.

Ему мерещился ее мелькнувший сарафан за шлагбаумом у въезда в Seagate. Ее голова с подобранными сверху волосами плыла порой далеко за буйками, почти у самого фарватера. Осип нырял и плыл туда, к ней, пока русалка Стелла внезапно не исчезала в пене волн.

Но чаще всего она появлялась в «Мандарине».

Относительно недавно построенный отель находился в самом центре бродвейской художественной жизни: в окружении театров, престижных бутиков и ювелирных магазинов. Бросив вызов аристократической старушке «Астории», юный толстосум «Мандарин» быстро стал местом самой безумной траты денег.

Круглые сутки к зданию отеля подкатывали лимузины и «Мерседесы», там постоянно крутились журналисты и разного рода поклонники, в надежде взять интервью или получить автограф у знаменитости. Для неофициальных встреч в отеле появлялись и политики разного ранга, вплоть до экс-президентов и Самого — нынешнего хозяина Белого дома.

За несколько часов до приезда мистера президента возле «Мандарина» тормозили черные машины с вашингтонскими номерами. Крепкие, аккуратно стриженные молодцы с крохотными наушниками блокировали один из подъездов к отелю. По мере приближения президентского кортежа их активность возрастала, также повсюду шныряли ребята из внутренней вооруженной охраны отеля. Снаружи все успокаивалось только после того, как черный бронированный «Кадиллак» весом три тонны и

стоимостью три миллиона долларов, шелестя шинами по бетонному покрытию, таинственно въезжал в громадный подземный гараж, тоже набитый охранниками.

Как знать, как знать, где подчас решаются глобальные вопросы политики и экономики — в Белом доме или в таких вот «Мандаринах»?..

Впрочем, президенты США, и бывшие, и нынешний, в «Мандарине» появлялись реже девочек легкого поведения. Реже, гораздо реже.

Девушки жужжали вокруг отеля, как осы, привлекаемые долларовым медом. Эти прелестницы со сладким ядом в жалах слетались туда со всех концов Нью-Йорка и из других штатов. Красавицы в коротких юбках, футболочках, с татуировками на лодыжках вылетали из машин с пенсильванскими, массачусетскими, даже флоридскими номерами. Надев туфли на высоких каблуках, облизнув губы, устремлялись к дверям отеля.

Девушек доставляли туда и в лимузинах разные фирмы секс-услуг. В салонах лимузинов с затемненными боковыми стеклами звучала приятная музыка, девушкам предлагался большой выбор горячительных напитков. Кокаин для клиентов лежал в дамских сумочках вместе с презервативами, виагрой и косметичками. Дверцы машин открывались, и стаи обворожительных ос, раскованных после принятого алкоголя и наркотиков, с жужжанием и хохотом летели в отель.

Стелла мелькала в «Мандарине» на всех этажах. Выходила из лимузинов, приезжала сюда из других штатов, посещала гостиничные бары...

Осип разыскивал Стеллу. Он наведлся в несколько агентств по трудоустройству для нелегальных русских иммигрантов, расспрашивая о Стелле. Заглянул в несколько стриптиз-клубов. Заходил и в аптеку, где Стелла покупала какие-то лекарства, и в Собор Пресвятой Богородицы, где она молилась.

Но Стеллы и след простыл. «Быть может, она переехала куда-нибудь, в другой штат. Или вообще вернулась в Молдавию», — Осип терялся в догадках.

Он не раз напоминал себе о том, что они со Стеллой из разных миров и между ними ничего серьезного быть не может.

С Арсюшей и Тоней он не виделся с тех пор, как они разъехались. Он чувствовал себя виновным перед ними, не мог себе представить, как посмотрит им в глаза, особенно Арсюше. Не раз собирался им позвонить или даже прийти без всякого приглашения, но... В последний момент его вдруг охватывало странное чувство, что Стелла — рядом с ним, буквально за его спиной. Это таинственное присутствие Стеллы было до того явным, что он даже слышал ее дыхание и улавливал упоительный запах ее тела...

И под воздействием этих колдовских чар у него тут же иссякала и воля, и желание возвращаться в семью. Представить себе жизнь без Стеллы он уже не мог, и с утроенной энергией продолжал поиски.

Однажды к нему наведались два детектива из полиции. Расспрашивали, что он знает о Стелле и какие между ними были отношения. Они сообщили Осипу, что Стелла скрывается от правосудия. Копы попросили Осипа, если ему будет что-либо известно про ее местонахождение, немедленно им сообщить. Дали ему номер телефона и идентификационный номер дела.

Тихо в зале Оперативного центра охраны гостиницы. Изредка пищат поставленные на подзарядку батареек рации.

На стенных электронных часах черные цифры, мигнув, сменились на 02:00. Два часа ночи, стало быть.

Сверху сквозь вентиляционные отсеки льется в зал прохладный воздух. Изредка поскрипывает кресло на колесиках, когда Осип откидывается на его высокую спинку.

Второе кресло рядом пусто. Уолтер, стало быть, у Лизы.

Все экраны подключены к видеокамерам отеля системы наблюдения. Единственный экран выбивается из общего фона. На экране — Стелла. Стоит, прислонившись к дверному косяку. Смотрит перед собой, щурясь от солнца, левая часть ее лица освещена сильнее. Волосы как бы небрежно взъерошены, кончики сомкнутых губ едва приподняты в улыбке. Правда, улыбка грустная, с оттенком обреченности. Хороший снимок, схвативший суть.

Осип сумрачно глядит на Стеллу. Белая рубашка контрастирует с чернотой его небритых щек. Потом смотрит на другие экраны, там ничего интересного — жизнь отеля.

На часах — 02:13.

Осип щурит воспаленные глаза. Резь в них становится невыносимой. Похоже, время идти к главному. Он достает из кармана брюк пластмассовую бутылочку с острым носиком. Выдавливает из нее последние «слезки» и даже не вытирает влагу, ручейками стекающую по щекам.

Неожиданно он чувствует, что сейчас с ним и вокруг него происходит нечто странное, нечто удивительное и великое, что невозможно объяснить словами, но что всегда таилось глубоко в его своей душе. Назвать ли это чувством Судьбы?

Он ощущает... присутствие Стеллы. Он уверен, что она сейчас где-то рядом. Он снова улавливает запах ее тела, ее волос, ее любовного пота, различает их малейшие оттенки.

Перед ним сейчас, словно на экране, прокручивается с самого начала кино, смонтированное из разных эпизодов,: как он познакомился со Стеллой на ночном безлюдном пляже, как снимал ее в разных образах и в разных местах, как они

занимались любовью где только могли, как она молилась в соборе, — все, вплоть до последней сцены, когда он подрался с тем грязным сутенером в ее квартире.

Прекрасный фильм их несложившейся любви, в котором единственно не хватает такой же прекрасной концовки.

Осип зачем-то нажимает кнопки, переключает видеокамеры. На одном из экранов неожиданно возникает силуэт молодой женщины в короткой юбке и розовой футболке, идущей по пустому коридору. Подвинув рычажок на панели, он увеличивает изображение этой девушки. Стелла! Она здесь, в отеле! Пришла по вызову какого-то клиента!

Он смотрит, как Стелла остановилась возле двери нужного ей номера. Но вместо того, чтобы постучать, вдруг повернулась и замахала поднятыми руками — будто бы звала кого-то или хотела таким образом привлечь к себе чье-то внимание.

Осип знал, кого она зовет и кому сейчас машет. Он отрегулировал изображение на экране так, чтобы Стелла стояла перед ним в полный рост.

Она улыбнулась, вероятно, ощутив, что достигла желаемого результата, — Осип ее заметил и смотрит на нее. От радости высунув язык, она подразнила Осипа, и, судя по всему, что-то сказала. И вдруг... взмахнув руками, стала танцевать! Ходила по пустому коридору, выгибаясь то так, то этак. Осип глядел на эту «цыганочку с выходом», и у него мелькнула мысль, что Стелла сейчас пьяна, а может, еще и под кокаиновым кайфом.

Закончив свой танец, она послала ему воздушный поцелуй, снова что-то сказала. Затем пригладила волосы и постучала. Дверь тут же открылась, и Стелла вошла в номер.

Осип неподвижно сидел, долго глядя на экране на пустой длинный коридор, залитый ярким светом ламп. Ему показалось, что там сейчас летают чайки над пенистыми волнами... На его скулах дернулись желваки.

Не спеша снял с груди пластиковый пропуск охранника, положил на стол.

03:00. Тихо в зале Операционного центра. Тихо и совершенно пусто. Ни души. Дверца хромированного металлического сейфа с оружием открыта.

Выйдя из лифта на нужном этаже, Осип направился по пустому коридору к той двери, куда только что вошла Стелла. В его абсолютно затуманенной голове возникла мысль, что он принял единственно верное решение. Этот фильм сейчас должен закончиться.

С непринужденным видом он подошел к той самой двери. Засунул правую руку в карман брюк, где лежал пистолет.

— Open the door! Откройте, полиция! — Осип постучал кулаком в дверь номера.

За дверью вскоре послышались чьи-то голоса. Но дверь оставалась запертой.

— Open the door! Открывайте же! — Он стал сильно колотить кулаком в дверь.

Вдруг кто-то сильным ударом сзади, аж в голове хрустнуло, повалил его на пол:

— Ты идиот! Идиот! — Уолтер сидел на распластанном Осипе, крепко ухватив его за волосы и вдавив лицом в пол.

Уолтер залез Осипу в карман, пытаясь вытащить оттуда пистолет. Но Осип сопротивлялся, поэтому Уолтеру пришлось применить силу уже по-настоящему и прибегнуть к приемам для задержания и обезвреживания преступников.

— Ты fucking кретин! Совсем спятил из-за этой шлюхи!

Пока они возились на полу, дверь номера тихонько открылась. Оттуда выскользнула Стелла, и через мгновение ее и след простыл.

Эпилог

Прошло полтора года.

...Всей семьей возвращались в машине домой из гостей.

— А что? Отдам Мойше свой старый компьютер, мне он все равно больше не нужен. Загружу туда детские программы, пусть играет, — Осип нажал рычажок «поворотника», и машина въехала на шоссе. — Кстати, все Арсюшины игрушки, что в ящиках под кроватью, тоже нужно отдать Мойше. Арсюша для них уже вырос.

— Ну, плюшевого леопарда я бы все-таки оставила. Арсюша еще иногда им играет, — мягко возразила Тоня, взглянув на спящего на заднем сиденье Арсюшу.

Поджав под себя согнутые в коленках ноги, мальчик словно собирался сделать что-то важное и срочное, но вдруг заснул, свесив голову и раскрыв рот с выбежавшей слюной.

Осип притормозил, машина шла на высокой скорости, а впереди — поворот. За поворотом открывался вид на залив.

Дорога, влажная от апрельских дождей, вела к мосту Верразано. С левой стороны, на холмах, еще не тронутые листвой, темнели деревья, справа по реке в порт шли океанские лайнеры.

— Что, дождался, режиссер? — улыбнувшись, спросила Тоня.

Еще только апрель, а на ее лице у носа и на щеках высыпали мелкие веснушки, придавая важной серьезной Тоне вид девочки где-нибудь на даче или в деревне под Питером.

Осип кивнул в ответ — приняли сценарий и дали деньги на его будущий фильм!

Он снова подумал о том, что Тоня его простила. Спасла семью. Это главное.

— Не знаю, как уложусь в такие короткие сроки: часовой документальный фильм — и за три месяца. Могу не справиться.

— Справишься, не переживай. А что твой Ник, согласился с тобой работать в этот раз?

— Пока еще нет. Думает. Ему вроде бы предложили выгодный контракт в театре.

— Ну и не надо, обойдешься без Ника, — Тоня поправила в ногах разъехавшиеся складки плаща.

Машина неслась по шоссе, изредка подскакивая на дорожных вмятинах. Вдали виднелся мыс Seagate. Отсюда он казался темной безжизненной полоской... Чайки на камнях, пенистые волны, крабы...

Тоня включила магнитофон, и в салоне зазвучала музыка из «Пер Гюнта». Волшебная музыка, знакомая еще с детства. Еще раз взглянув в зеркальце на спящего сына, Тоня свободно откинулась в кресле. Слушала скрипки, флейты и контрабасы. Мелодия то неслась вихрем, нарастала, в бешеном ритме стремилась все дальше, выше, выше, то вдруг после звонкого удара литавр падала в бездну, где ныла одна-одинешенька несчастная скрипка, где уныло и глухо бил барабан, где обрывалось все в могильной тишине. Но потом тягучая сумрачная мелодия снова становилась таинственной и нежной, вызывающей слезы, слезы примирения с жизнью и надежды...

— Мне нужно в машине поменять масло, — сказал Осип, открывая заднюю дверцу машины.

На сиденье силился разлепить веки Арсюша.

— Мистер пират, подъем, выгружайся! Сегодня вечером расскажу тебе, где пираты спрятали найденные сокровища. Только не мучай маму, договорились? Ладно, Тонч, вы идите домой, а я поехал.

Приблизительно через полчаса его машина остановилась в районе Бруклин Хайтс.

Времени было еще предостаточно.

...Осип брел по знакомым улицам, где тянулись аллеи старых платанов, некоторым из них, наверное, лет пятьдесят, а то и все сто. Мимо них, еще тогда молоденьких

саженцев, ходили герои его фильма. Здесь за пьянство и бродяжничество, большой туберкулезом, был арестован будущий корифей американской драматургии О'Нил; Уолт Уитмен стучался в двери этих домов, предлагая бесплатно свой сборник «Листья травы», а его не пускали на порог; вон в том кафе Артур Миллер писал пьесу «Тяжелое испытание», за которую потом был привлечен к суду по обвинению «в нелояльности Америке»; а вот из того дома «скорая» увезла умирающего от разрыва сердца Иосифа Бродского...

Хорош этот район ранней весной, но истинно прекрасен он в мае, когда распускаются орхидеи и акации, когда прохладно в тени деревьев, старых особняков и темных, в витражах, костелов. Все дороги ведут к реке.

Есть такие места, знаете, где сразу, еще толком не понимая, что к чему, чувствуешь себя как дома, будь то Васильевский остров в Петербурге или Бруклин Хайтс в Нью-Йорке. Потому-то и решил Осип снимать здесь свой первый фильм — в месте, так напоминавшем ему родной Питер...

— Да, сэр, семнадцатый номер, — портье в черном ношеном костюме, с бабочкой на шее протянул Осипу ключи.

— Спасибо, — и Осип надел колечко с ключами на указательный палец. — Я тут, знаете ли, жду одного гостя, знакомую. Она должна скоро подъехать.

— Ноу проблем, сэр. Я вам сообщу об ее приходе, — сказал портье. — Желаете что-либо заказать в номер?

— Нет, спасибо. Где здесь лифт?

...Осип полулежал на кровати в плаще, промокшие туфли касались пола.

Окна были прикрыты, шторы задернуты, поэтому шум с улицы сюда едва проникал.

Осип глянул на часы, взял с трюмо брошюрку со списком оказываемых в этой гостинице услуг.

«Четверть пятого. Однако. А еще обещают сервис по высшему разряду». Он достал мобильник и водил пальцем по списку, пока не нашел нужный номер под странным названием «Эск Серв». Решил было туда позвонить, как вдруг тишину прорезал трескучий звонок гостиничного телефона.

— Сэр, к вам гость. Мисс Мэри. Пусть войдет? О'кей, — сказал портье и уже глуше, обращаясь к визитерше: — Входите, мисс. Номер семнадцать, на втором этаже.

...Она отступила на шаг, попятилась к двери.

— Стой! Не бойся! — Осип схватил Стеллу за руку. — Я тебя не трону. Мне ничего от тебя не надо, — он силой затянул ее в номер и закрыл дверь. Провернул ключ в замке и спрятал в карман.

— Неужели ты соскучился по мне? — спросила она ироническим тоном и вдруг расхохоталась.

На губах у нее лежал свежий толстый слой лиловой помады, на ресницах было столько туши, что они чуть ли не слипались. К распущенным волосам сбоку была приколотая красная бабочка. От нее исходил запах алкоголя, который не могли перебить даже ее терпкие духи.

— А я все думала, что это за идиот, согласный платить бешеные бабки за секс в такой дешевой, вонючей гостинице? Теперь все ясно. Ну что, приступим, дорогой?

Она легко расстегнула молнию рыжей кожаной курточки, отороченной беличьим мехом:

— Ты расценки и условия сервиса знаешь?

— Да. Кстати говоря, ты опоздала на пятнадцать минут.

— Сорри, задержалась, по очень важному делу. Была на съемках, ха-ха-ха! — расхохотавшись и с ненавистью глядя ему в глаза, спустила с плеча лямку платья: — В любые места. Только с презервативом. Время пошло. Если нужно, есть виагра и кокаин, — спустила лямку с другого плеча и привычным движением начала стягивать платье вниз по бедрам.

Осип отошел назад, сел на кровать:

— Я не знаю, не знаю... — забормотал он растерянно.

Вдруг решительно поднялся, подошел и со всей силы стиснул ее в объятиях:

— Я... Я хочу проститься с тобой. Наверное, мы больше никогда не увидимся. Но я хочу тебе сказать, если я в чем-то перед тобой виноват, если причинил тебе какое-либо зло... — он безуспешно пытался подобрать нужные слова.

Она пыталась вырваться, давила его кулаками в грудь, ударяла коленями, даже укусила за плечо через плащ.

— Не надо, не надо, — повторял он.

Она наконец сдалась. Замерла. Через несколько минут сделала вдруг легкое движение, будто прижалась к нему:

— Я грязная блядь и наркоманка.

Он молчал.

— Из-за меня погиб Джефф.

Он по-прежнему молчал.

— Я дрянная мать. Я приношу всем вокруг только зло и страдания. Лучше бы ты застрелил меня тогда, в гостинице.

Осип начал гладить ее по голове, как ребенка:

— Бедная девочка. Хорошая. Чистая.

Она не шевелилась. Едва дышала, чтобы не спугнуть этот миг неожиданного, случайного счастья...